
ЛЮДМИЛА ЛИСОВСКАЯ
РОДНАЯ
чужая
КНИГА 2

Людмила Лисовская

Родная чужая . Книга 2

https://litres.ru/74983852
SelfPub; 2026

Аннотация

Она не знала, что можно потерять всё, не потеряв никого.

И обрести там, где никогда не искала.

Можно прожить полжизни, любить, верить, растить детей, строить планы на будущее — и однажды обнаружить, что жизнь, которую ты считала своей, была совсем не такой, какой казалась.

Мир Милы рушится внезапно. Предательство человека, которому она доверяла, перечёркивает прошлое и заставляет её заново посмотреть на собственную жизнь. То, что ещё вчера казалось незыблемым — рушится— теряет привычный смысл.

Но настоящая история Милы начинается именно после этого краха.«Родная чужая» — современный психологический роман о семье и материнстве, любви и предательстве, зависимости и внутренней свободе, о цене выбора и о границах безусловной любви. Это история о том, что родство по крови ещё не делает людей родными — и что иногда, чтобы сохранить себя, приходится отпустить даже того, кого невозможно было представить чужим.

Роман является второй частью трилогии

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	24
Глава 2	41
Глава 3	57
Глава 4	73
Глава 5	119
Глава 6	133
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Людмила Лисовская
Родная чужая . Книга 2

РОДНАЯ ЧУЖАЯ

КНИГА 2

«И тогда я понял: прошлое нужно не забывать.
Его нужно пережить так,
чтобы оно перестало идти рядом.»
Ремарк

Она не знала, что можно потерять всё, не потеряв никого. И обрести там, где никогда не искала.

Есть дни, которые ничего не меняют. А бывают дни, после которых вся прежняя жизнь становится похожей на чужую биографию.

Можно годами прятаться за ширмой из «надо», «во имя» и «страшно», не замечая, что сами затянули петлю на своей жизни.

Последний узел прошлого лопнул почти неслышно, оставив лишь тонкий шрам на запястье памяти.

Мила еще не знала, что судьба умеет ждать.

И что она приходит не с громом и молнией. Порой она выбирает самый обычный вечер, садится напротив тебя за

столик в кафе. Улыбается. И говорит: — Добрый вечер…

Часть 1

Иногда судьба знакомит тебя с главным человеком твоей жизни. А ты поначалу вообще не понимаешь, зачем она это сделала. Наверное, и к лучшему. Иначе мы, возможно, вели бы себя при первой встрече гораздо приличнее.

Миле показалось, что в этот момент весь ресторан уставился на нее: «Пришла знакомиться! Докатилась». Она возмущенно взглянула на Юльку и уже приподнялась, собираясь уйти, но подруга мгновенно все поняла.

— Она не хотела сюда идти, это я ее уговорила, — быстро затараторила Юлька. — Я и сама не знала, что ты здесь будешь, Олеж.

Олег, словно прочитав ситуацию, мягко добавил:

— Да я и сам не планировал. Просто проголодался и заехал поужинать.

Мила выдохнула и опустилась обратно на стул. В зале было шумно, играла музыка, люди танцевали, и постепенно напряжение отпустило. Пока Олег разговаривал с Юлькой, Мила украдкой рассматривала его. Красивое, мужественное лицо, спортивное телосложение. Массивные очки придавали ему серьезности, а пухлые, четко очерченные губы обаятельная улыбка сразу приковывали взгляд. Несмотря на модную тогда «варенку», выглядел он слегка уставшим и небреж-

ным.

Неожиданно Олег пригласил Милу на танец. Она замялась: строгий костюм казался неуместным на танцполе, и она боялась выглядеть нелепо. Но Олег настаивал, а Юлька буквально вытолкала ее из-за стола.

Олег осторожно придерживал Милу за талию, о чем-то тихо расспрашивая. Мила же, вдыхая тонкий аромат его парфюма, чувствовала, как кружится голова, и она едва улавливала смысл слов. Ей хотелось лишь одного — чтобы эта музыка и этот танец длились вечно.

Но танец закончился. Олег подвел Милу к Юльке, которая уже собиралась уходить и торопила мужа. Понимая, что на метро она не успевает, а после кино и ресторана денег в кошельке почти не осталось, Мила попросила у подруги взаймы на такси.

— Мил, тебя Олежка подбросит, он на машине, — предложила Юлька.

— Неудобно, я его совсем не знаю, — засомневалась Мила.

— Да ты сейчас и такси не поймаешь! — отмахнулась Юлька.

— Ну, если не поймаю, хоть ему заплачу. С какой стати он повезет меня бесплатно?

Юлька, не слушая возражений, сунула ей в руку купюру, и они направились к выходу. На улице было темно и зябко. Такси поблизости не оказалось, и Олег, дожидавшийся у ма-

шины, снова предложил подвезти. Деваться было некуда: попрощавшись с подругой, Мила села в салон.

В машине было тепло и уютно, но мысли Милы были далеки от комфорта. Она думала о том, что скажет привидение, встретив ее у входа, но тут же отмахнулась от неприятных раздумий и решила сменить тему.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она Олега.

Тот ответил уклончиво, с напускной бравадой: мол, ерундой не занимается, а деньги текут рекой. Он начал рассуждать о том, как ходит по краю, и добавил, что этот риск ему по душе. Миле стало неприятно. К тому же, его речь, пересыпанная непонятным сленгом, пугала: она едва улавливала смысл половины сказанного.. Олег, не заметив её замешательство,продолжал что-то рассказывать о своей «работе», а затем вдруг спросил: «А вы чем занимаетесь?». Мила рассказала ему о своей работе, об аспирантуре, в которой училась, чтобы найти хорошую работу. Он слушал очень внимательно, задавал вопросы и комментировал услышанное на чистом литературном языке. В этот момент он звучал совсем иначе, и у Милы мелькнула мысль: он не тот, кем пытается казаться. Почему он прячет свою интеллигентность за маской грубости? Это несоответствие её заинтересовало.

Она невольно подалась вперед, пытаясь разглядеть в его лице что-то, что ускользнуло от неё в первые минуты знакомства. В полумраке его глаза, до этого казавшиеся просто цепкими и холодными, вдруг приобрели иную глубину. Олег

перестал жестикулировать, его поза стала менее развязной, а в голосе проступили мягкие, бархатные интонации.

— Аспирантура — это серьезно, — произнес он, задумчиво глядя на дорогу. — В наше время мало кто готов тратить годы на учебу, когда вокруг столько соблазнов получить всё и сразу.

Мила замерла. Этот тон — спокойный, рассудительный, лишенный всякой рисовки — разил наповал сильнее, чем все его байки о «рискованных делах». Она почувствовала, как внутри нарастает любопытство, смешанное с легким раздражением: он словно играл с ней в кошки-мышки, намеренно сбивая с толку.

— Почему вы так говорите? — прямо спросила она. — Еще минуту назад вы изъяснялись на жаргоне, а сейчас рассуждаете как профессор философии. Какой вы на самом деле?

Он на секунду замолчал, и в этом молчании было больше смысла, чем во всем его предыдущем монологе. Уголок его губ едва заметно дрогнул в ироничной усмешке.

— А кем вы хотите, чтобы я был? — парировал он, снова меняя манеру речи на ту, что была ему привычнее, но в глазах на мгновение вспыхнул тот самый, настоящий, незаурядный ум. — Мир не так прост. Иногда, чтобы выжить, нужно говорить на языке тех, кто тебя окружает. Но это не значит, что я забыл, как звучит нормальная человеческая речь.

Он резко повернул руль, снова становясь тем самым пар-

нем с «напускной бравадой», но теперь Мила знала: это лишь декорация, скрытая за фасадом дешевого сленга.

Мила поняла, что он не даст ей прямого ответа. Он мастерски уходил от любой конкретики, превращая их диалог в лабиринт. Но именно это сопротивление, эта скрытая за грубой оболочкой интеллектуальная мощь, заставляли её сердце биться чаще. Она вдруг осознала, что её тянет к нему не вопреки этой странности, а именно благодаря ей.

Подъехав к дому, Мила поблагодарила Олега и протянула ему деньги, которые передала Юлька. Он лишь усмехнулся, наотрез отказавшись брать купюру. Не желая оставаться в долгу, Мила, уже выйдя из машины, демонстративно бросила деньги на соседнее сиденье. Олег резко рванул с места, и в этот момент Мила заметила, как из приоткрытого окна что-то вылетело. Подойдя ближе, она увидела ту самую купюру. Мила невольно улыбнулась. Подняв купюру, она тихо произнесла: «Что ж, завтра верну Юльке».

Она спрятала купюру в карман пальто и, не торопясь, направилась к подъезду. Вечерний воздух был прохладным, но на душе стало удивительно легко. Юлька наверняка будет смеяться, когда узнает, что деньги совершили такое путешествие. Мила представила подругу, её ироничный взгляд и неизменное: «Ну я же говорила, что он не возьмет».

Она прошла на кухню, поставила чайник и, глядя на отражение в темном стекле окна, поймала себя на том, что всё ещё улыбается. Этот вечер, начавшийся с неловкости, закон-

чился странным чувством тепла. Олег не просто отказался от денег — он оставил за собой последнее слово, но и она не осталась в долгу. Привидение в тот вечер не вышло из комнаты.

На следующее утро Мила опаздывала. Пока она суматошно выбегала из подъезда, в голове лихорадочно крутились варианты оправданий для начальника. Она уже прикидывала, что быстрее — трамвай или метро, — как вдруг замерла на месте, не веря своим глазам. Прямо перед ней, небрежно прислонившись к капоту машины, стоял Олег. В его руке тлела сигарета.

- Вы? Как вы здесь оказались? – удивленно спросила она

- Вас жду. Не хочу, чтобы вы опоздали на работу.- бархатным голосом ответил он и улыбнулся.

Мила замерла, чувствуя, как привычный ритм утра окончательно рассыпается. Его спокойствие действовало на неё почти гипнотически

— Вы следили за мной? — спросила она, стараясь придать голосу твердости, хотя внутри всё ещё дрожало от неожиданности.

— Я просто оказался рядом, — наконец произнес он, оттолкнувшись от капота и выпрямившись во весь рост. — И решил, что такси будет куда надежнее, чем ваш план с трамваем. Садитесь.- Он открыл перед ней пассажирскую дверь.

Машина плавно тронулась с места. Мила смотрела в окно, но мысли её были заняты не дорогой. Она не понимала, чего

он хочет, если это ухаживание, то как-то нетипично, может быть, ему что-то нужно?

Олег бросил на неё короткий взгляд, и в уголках его губ залегла ироничная складка. Он не спешил с разговорами, сосредоточенно перестраиваясь в соседний ряд. Его движения были уверенными, даже какими-то хищными, словно он привык контролировать не только машину, но и всё, что происходит вокруг.

— Вы слишком подозрительны, — наконец произнес он, не отрывая взгляда от дороги. — В мире, где люди тратят часы на пустые разговоры, я просто предлагаю решение проблемы. Разве это не логично?

— Логично — это когда сосед подвозит соседку, — парировала она, чувствуя, как внутри закипает раздражение, смешанное с любопытством. — Плохо — это когда незнакомый мужчина начинает решать проблемы женщины, которая его об этом не просила, — спокойно ответила Мила. — Мы с вами почти не знакомы.

— Я работаю там, где мне нужно быть, — ответил он и улыбнулся. — И сегодня мне нужно было быть здесь, у вашего подъезда.

— Вы не ответили, — напомнила она

— Я здесь, потому что вы — единственная, кому от меня ничего нужно, — тихо сказал он. — И потому что мне никогда не встречалась такая девушка.

В его глазах мелькнуло что-то, что Мила не могла рас-

шифровать – смесь решимости и, возможно, даже уязвимости.

— Вы... вы говорите загадками, Олег, — наконец выдавила она, пытаясь вернуть себе хоть какую-то долю контроля. — Я не понимаю, о чем вы.

Он усмехнулся, но усмешка эта была горькой. — А вы и не должны понимать. Пока. Просто примите это как факт. Я здесь, потому что мне так захотелось. И потому что вы мне интересны.

Мила замерла, не зная, что ответить. Слова повисли в воздухе, тяжелые и многозначительные. Она хотела возразить, потребовать объяснений, но вместо этого лишь сильнее вжалась в кресло, чувствуя, как машина набирает скорость, унося её совсем не туда, куда она планировала попасть этим утром. Он высадил ее у высотного здания.

— Спасибо... за то, что подвезли.

Она уже направилась к входу, когда почувствовала его взгляд. Обернулась. Он по-прежнему стоял возле машины и смотрел ей вслед. Только когда за ней закрылись стеклянные двери, он медленно сел за руль и уехал.

День тянулся мучительно долго, мысли путались, она не могла не могла сосредоточиться и несколько раз ловила себя на том, что уже пять минут смотрит в один и тот же документ, не понимая ни строчки. Мысли снова и снова возвращались к утреннему разговору.

«Вам от меня ничего не нужно...»

Что он имел в виду? Почему был так уверен?

Начальник, заметив ее рассеянность, подошел к столу.

— Мила, вы сегодня совсем не здесь. Если плохо себя чувствуете, идите домой. Работа никуда не убежит.

Она с благодарностью кивнула. Через несколько минут лифт плавно опустил ее с двадцать седьмого этажа.

Выйдя на крыльцо, Мила остановилась, пытаясь понять, куда направить этот неожиданный поток свободного времени. И вв этот момент взгляд зацепился за знакомый автомобиль, застывший прямо перед входом. Она сразу его узнала. Олег.

Он стоял, прислонившись к машине, словно ждал уже давно. В руках у него был букет роз.

Заметив Милу, он улыбнулся так спокойно, будто их встреча была совершенно естественной.

— Привет, — сказал он, делая шаг ей навстречу.

Мила остановилась.

— Вы... опять здесь?

— Опять.

Он протянул ей букет.

— Это вам.

Она даже не попыталась взять цветы.

— Олег, вы понимаете, что это уже начинает меня пугать?

Он удивленно поднял брови.

— Цветы?

— Нет. Вы.

— Почему?

— Потому что нормальные люди так себя не ведут.

Он рассмеялся. Не громко, а так искренне, что Мила невольно улыбнулась.

— Наконец-то.

— Что?

— Вы впервые улыбнулись мне по-настоящему.

Она тут же снова стала серьезной.

— Не уходите от ответа.

— Хорошо. Не буду.

Он немного помолчал.

— Можно я задам вопрос?

— Попробуйте.

— За последние несколько лет вам часто дарили цветы?

Мила опустила глаза. Ответ был очевиден.

— Тогда разрешите мне исправить эту несправедливость.

Она покачала головой.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Знаю достаточно.

— Например?

— Что вы очень устали.

Она вздрогнула.

— Что?

— Устали быть сильной.

Мила медленно подняла на него глаза.

Эти слова будто попали точно в цель.

— Вам это Юлька рассказала?

— Нет.

— Тогда откуда...

— Это видно.

Он говорил спокойно, без тени самодовольства.

— Люди, которым долго было больно, перестают смотреть по сторонам. Они все время ждут удара.

Мила молчала.

— Вы сейчас именно так и смотрите.

Она вдруг почувствовала раздражение.

— Не нужно об этом.

— Хорошо.

Он сразу кивнул.

— Тогда просто пойдемте в ресторан.

— Нет.

— В кафе мороженое

— Нет.

— В чебуречную?

Она не выдержала и рассмеялась.

— Просто покатаемся по Москве.

И впервые за очень долгое время Мила поймала себя на мысли, что смеется совершенно искренне.

Олег протянул ей букет еще раз.

— Теперь возьмете?

Она посмотрела на красные розы. Потом на него.

Осторожно взяла букет.

— Спасибо...

— Вот теперь можно знакомиться заново.

— Разве мы уже не познакомились?

Он улыбнулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что до этой минуты вы разговаривали со мной настороженно.

— А сейчас?

— Сейчас вы впервые разговариваете со мной как женщина, а не как человек, который все время готов защищаться.

Мила ничего не ответила. Только вдохнула аромат роз.

Он оказался удивительно тонким. Совсем не таким, каким она представляла. Как и человек, который стоял сейчас перед ней.

— Вы всегда так знакомитесь с женщинами? — наконец спросила она.

— Нет.

— Тогда почему со мной именно так?

— Потому что по-другому с вами нельзя.

Она вопросительно подняла брови.

— Почему это?

— Потому что обычные комплименты вы пропускаете мимо ушей. Настойчивость вызывает у вас раздражение. Жалость — презрение. А красивые слова вы давно перестали воспринимать всерьез.

Мила почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Откуда вы это знаете?

Он едва заметно улыбнулся.

— Догадался.

Она покачала головой.

— Нет. Не догадались.

Он промолчал.

— Вы что-то знаете обо мне.

— Возможно.

— Откуда?

— От людей.

— От каких людей?

— От хороших.

Она раздраженно вздохнула.

— Опять загадки.

— Нет. Просто я не люблю обсуждать человека за его спиной.

— Даже если этот человек — я?

— Особенно если этот человек — вы.

Она внимательно посмотрела на него.

— Значит, кто-то действительно вам обо мне рассказывал.

— Да.

— Юля?

Он не ответил. И этим ответил.

Мила неожиданно рассмеялась.

— Так вот почему вы такой уверенный! Вы пришли уже подготовленным.

Олег тоже улыбнулся.

— Знаете... — неожиданно сказал он. — Когда я впервые услышал о вас, мне показалось, что Юля сильно преувеличивает.

— В чем?

— Во всем.

— Спасибо... Очень приятно.

— Не нужно обижаться.

Он сделал небольшую паузу.

— Она говорила, что вы красивая. Оказалось — красивее.

Мила фыркнула.

— Банально.

— Она говорила, что вы умная. Оказалось — гораздо умнее.

— Уже лучше.

— Она говорила, что вы сильная.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— А вот здесь ошиблась.

— Почему?

— Потому что сильные люди не вздрагивают каждый раз, когда им хотят сделать что-то хорошее.

Мила замерла. Эта фраза прозвучала совсем тихо.

Без упрека. Без жалости. Как констатация факта.

Он тут же сменил тон, словно почувствовал, что сказал

лишнее.

— Не смотрите на меня так.

Она невольно улыбнулась.

Он посмотрел на часы.

— Что через пять минут вы скажете, что вам пора домой.

— Почему именно через пять?

— Потому что уже четыре минуты вы думаете, как закончить этот разговор.- Он произнес это легко, почти шутя.

Мила не выдержала и рассмеялась.

Они долго катались по вечерней Москве.

Мила даже не заметила, как машина свернула с шумного проспекта на тихие улочки старого центра, потом выехала к набережной. За окнами проплывали огни, мосты, отражения фонарей в реке. В салоне было тепло и удивительно спокойно. Первое время говорила в основном она. Совсем неожиданно для себя. О Яне.

О том, как дочка каждое утро, одеваясь и завтракая, тянет время и мама опаздывает на работу. Как боится привидения и не хочет оставаться с ним наедине.

Как всерьез рассуждает о чем-то. Как не хочет оставаться у бабушки без нее.

Олег почти не перебивал. Только иногда задавал короткие вопросы.

— Она любит сказки?

— Очень.

— А кто читает ей перед сном?

— Я.

— Каждый день?

— Каждый. Только я не читаю, а сочиняю историю с продолжением.

Он кивнул.

— Значит, вы счастливый человек.

Мила удивленно посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что однажды она вырастет, а эти вечера останутся только у вас в памяти.

Она задумалась. Так о детях с ней еще никто не говорил.

Не "сколько ей лет?", не "похожа на вас?", не "не мешает жить?" Совсем по-другому.

Через несколько минут он неожиданно спросил:

— А что она говорит про вас?

— В каком смысле?

— Ну... дети ведь всегда очень точно чувствуют родителей.

Мила улыбнулась.

— Иногда она говорит, что я не взрослая.

— Она права.

— Вы же меня почти не знаете.

— Это практическое наблюдение.

Она засмеялась.

И вдруг поймала себя на мысли, что смеется уже не потому, что так надо. А потому, что ей действительно смешно.

Олег мельком посмотрел на нее.

— Вот.

— Что "вот"?

— Я же говорил.

— Что именно?

— Она никуда не исчезла.

— Кто?

— Та девушка, которую вы так старательно прячете за ролью мамы.

Мила сразу стала серьезной.

— Не нужно...

— Хорошо.

Он мгновенно сменил тему.

— Расскажите лучше, что любит кушать Яна.

Она удивленно посмотрела на него. Он сделал это так естественно, словно вовсе не хотел ставить ее в неловкое положение. И именно это нравилось ей все больше.

Он будто чувствовал ту грань, за которой шутка превращается в боль. И никогда ее не переходил.

52

Глава 1

Родными становятся не тогда, когда так положено. А когда однажды перестают замечать, что когда-то были чужими. Всё остальное — формальности, которыми взрослые почему-то очень любят усложнять жизнь.

С того дня Олег словно стал частью ее жизни. Утром он ждал Милу у подъезда, днем неожиданно появлялся возле работы, а вечера неизменно принадлежали только им.

Они часами ездили по Москве без всякой цели, разговаривая обо всем на свете. Олег обладал редким даром смешить: его шутки были неожиданными, остроумными, и Мила ловила себя на том, что смеется так искренне, как не смеялась уже много лет. Рядом с ним она забывала о прошлом, о многолетней усталости, о постоянной тревоге за завтрашний день.

Но иногда происходило что-то странное.

Веселый, открытый собеседник вдруг исчезал. Вместо него появлялся другой Олег — сдержанный, почти холодный. Он становился немногословным, говорил резко, словно между делом бросал фразы о человеческой слабости, предательстве, цене доверия. Иногда произносил их так, будто говорил вовсе не о ком-то постороннем, а о собственной жизни.

В такие минуты Миле становилось не по себе. Она ловила

себя на мысли, что рядом с ней сидит человек, переживший что-то очень тяжелое. Что за его легкой улыбкой скрывается прошлое, о котором он не хочет вспоминать. Ей хотелось расспросить его, но она не решалась.

А через несколько минут он словно стряхивал с себя невидимую тяжесть, снова начинал шутить, рассказывал смешные истории, и ей казалось, что того, другого Олега, не существовало вовсе.

Прошла почти неделя.

Каждое утро Мила, выглядывая в окно, невольно искала взглядом знакомую желтую машину. Но если машины не было, настроение почему-то портилось.

Она сердилась уже на себя. *"Что со мной происходит? Я же совсем его не знаю."*

Олег словно чувствовал эту борьбу. Он никогда не спрашивал, скучала ли она. Не пытался взять за руку. Не искал случайного прикосновения.

Даже дверь машины открывал так естественно, будто это было не ухаживание, а просто хорошее воспитание.

Это обезоруживало.

Однажды вечером они стояли на Воробьевых горах.

Внизу мерцала Москва. Снег медленно кружился в свете фонарей. Олег молча смотрел на город.

— Красиво... — тихо сказала Мила.

— Очень.

— Вы любите Москву?

Он улыбнулся.

— Люблю. Это мой город. Я здесь родился, вырос и, кажется, знаю каждый его двор..

— А Ленинград?

— Ни разу там не был.

— Странно... А я его очень люблю. Даже не знаю почему. Всегда мечтала там жить.

Олег повернулся к ней.

— Тогда поехали.

— Куда?

— В Ленинград.

Она рассмеялась.

— Сейчас?

— А зачем откладывать ?

— Вы опять...

— Что?

— Я никак не пойму, когда вы шутите, а когда говорите серьезно.

Он пожал плечами.

— А разве это имеет значение?

— Конечно.

— Нет.

— Почему?

Он немного помолчал.

— Потому что человек всегда слышит только то, во что готов поверить.

Она долго молчала. Потом вдруг спросила:

— Скажите честно... Вы всегда такой самоуверенный?

Олег неожиданно рассмеялся.

— Кто вам сказал?

— Вы производите именно такое впечатление.

Он оперся локтями о перила.

— Это впечатление обманчиво.

— Не верю.

— И правильно.

Он говорил спокойно.

— Не верьте тому, что человек показывает.

— А чему тогда верить?

— Тому, что он делает.

На следующий день она увидела его совсем другим.

Они договорились встретиться возле ее работы.

Мила задержалась почти на сорок минут. Выбегая из здания, Мила уже представляла раздраженного мужчину, который нервно ходит возле машины и каждую минуту смотрит на часы. Но Олег спокойно стоял возле машины. Увидев ее, он улыбнулся так, словно ждал всего несколько минут.

— Простите... Я задержалась.

— Я заметил.

— И вы даже не злитесь?

— А должен?

— Обычно мужчины начинают демонстративно смотреть на часы.

— Я смотрел.

— И что высмотрели?

Он сделал вид, что серьезно задумался.

— Что у нас осталось почти целых три часа.

— Для чего?

— Для вечера.

Она невольно улыбнулась.

— Мне нравится, когда вы улыбаетесь, — тихо сказал он.

Через несколько минут они уже ехали по вечернему городу.

Машина легко скользила по заснеженным улицам, а в салоне играла негромкая музыка. Молчание было удивительно спокойным. Первой его нарушила Мила.

— Скажите... Вы действительно такой терпеливый?

Олег посмотрел на нее и улыбнулся.

— Нет.

— Тогда почему вы меня терпите?

Он медленно сбросил скорость и остановился у набережной.

Повернулся к ней. Очень внимательно посмотрел в глаза.

— Потому что есть люди, которых стоит ждать.

Он произнес это так просто, будто сказал самую обычную вещь. Он произнес это тихо, словно говорил не о ней, а о чем-то давно для себя решенном. Мила ничего не ответила.

Олег медленно взял ее руки в свои. Его ладони были теплыми, сильными, удивительно спокойными. И вдруг Мила

почувствовала то, чего не испытывала уже много лет.

Защищенность. Не страх. Не волнение. Не восторг.

Именно защищенность.

Ей вдруг показалось, что если эти руки сейчас отпустят ее, она снова останется одна — со всеми своими страхами, усталостью, постоянной необходимостью казаться сильной и независимой.

Она осторожно переплела свои пальцы с его пальцами. И удивилась. Какими же родными они показались... Словно она знала их всю жизнь. Словно именно эти руки она так долго искала, сама того не понимая. Они молчали.

И это молчание оказалось красноречивее любых слов.

Миле вдруг захотелось, чтобы время остановилось. Чтобы никогда не заканчивался этот вечер. Чтобы можно было просто сидеть рядом, держась за руки, и не думать ни о прошлом, ни о будущем. Она впервые за долгие годы почувствовала, что ей никуда не нужно бежать, что она никому ничего не должна…

Олег словно уловил каждое ее чувство. Он слегка сжал ее ладони. Совсем чуть-чуть. Будто спрашивал разрешения стать немного ближе. Потом медленно наклонился и едва коснулся губами ее губ.

Поцелуй был таким осторожным, словно он боялся спугнуть не ее — это хрупкое, почти невозможное доверие, которое только начинало рождаться между ними.

Когда он отстранился, то еще несколько секунд молча

смотрел ей в глаза. Потом тихо сказал:

— Мне с тобой хорошо...

Он замолчал. И впервые за все время их знакомства Мила увидела в его глазах не уверенность, а вопрос и надежду.

Он глубоко вдохнул и почти шепотом добавил:

— Я не хочу, чтобы ты уходила...

Она почувствовала, как сжалось сердце. Это были совсем не те слова, которые обычно говорят мужчины. В них не было ни красивого ухаживания, ни желания произвести впечатление, ни слов любви. В них была просьба. Почти беззащитная.

Он не требовал ответа. Он не просил любви. Это было признание. Эти слова – потребность быть нужным

Он просто не хотел отпускать человека, рядом с которым впервые за долгое время перестал чувствовать себя одиноким. И именно это тронуло Милу сильнее любого признания. Она осторожно провела пальцами по его руке.

— Знаешь... — едва слышно сказала она. — Мне тоже очень хорошо с тобой.

Эти слова дались ей труднее, чем защита диссертации, чем уход от Андрея, чем все самые тяжелые решения в ее жизни.

Потому что впервые за долгие годы боли ей больше не нужно было притворяться сильной, независимой, не нужно было ничего доказывать ….Рядом с ним она наконец позволила себе быть настоящей. Она позволила себе довериться.

И в эту секунду оба поняли то, чего еще не решались произнести вслух. Они перестали бояться не одиночества.

Они перестали бояться друг друга.

На следующий день Мила впервые пригласила Олега к себе. Весь день она жила с каким-то странным волнением. Она сомневалась, стоило ли так быстро приглашать его домой., вдруг это каким-то образом разрушит то что они почувствовали вчера вечером.

Она несколько раз меняла скатерть, переставляла тарелки, , потом убирала их обратно в шкаф. То начинала готовить ужин, то ловила себя на мысли, что уже десять минут стоит у окна.. Но больше всего она переживала из-за Яны.

Примет ли она его? Не испугается? Эти вопросы не давали Миле покоя. Она присела рядом с дочкой.

— Яночка...

— Что?

— Сегодня к нам придет мой друг.

Яна внимательно посмотрела на нее.

— Дядя Олег?

Мила удивилась.

— Откуда ты знаешь, как его зовут?

Девочка пожала плечиками.

— Ты во сне сказала: «Олег...» много раз

Мила смущенно рассмеялась.

— Правда?

— Правда.

— И что ты об этом думаешь?

Яна задумалась так серьезно, словно решала очень важную задачу.

— Если он хороший, пусть приходит.

— А как ты поймешь, хороший он или нет?

Девочка посмотрела на маму так, будто вопрос был совсем простым.

— Он будет любить нас.

Мила почувствовала, как к горлу подступил ком.

— А если он будет любить только меня?

Яна покачала головой.

— Тогда он плохой.

Эти слова прозвучали так спокойно и так по-взрослому, что Мила задумалась.

Она вдруг поняла, насколько рано жизнь заставила этого маленького человека научиться отличать настоящую любовь от ненастоящей.

Раздался звонок. Обе одновременно посмотрели на дверь.

Яна вдруг схватила маму за руку.

— Мам...

— Что?

— Я сама открою.

Мила улыбнулась.

— Не страшно?

— Не очень. Если он тебе нравится... значит, и мне понравится

У Милы защипало глаза. Она наклонилась и поцеловала дочь в макушку. Яна побежала открывать дверь. На пороге стоял Олег. В одной руке он держал огромный букет роз, а в другой — большую сумку. Увидев девочку, он улыбнулся.

— Привет! Пустишь меня в гости?

Яна серьезно кивнула и молча отступила в сторону.

Он протянул цветы Миле, но вкраем глаза заметил , что девочка с любопытством заглядывает в сумку, пытаясь рассмотреть, что там лежит. Потом неожиданно опустился перед девочкой на одно колено. Теперь их глаза оказались на одном уровне.

— Давай знакомиться. Меня зовут Олег. А тебя?

Яна молча разглядывала гостя.

— Вообще-то я знал, что здесь живет одна очень красивая девочка. Поэтому приехал не один.

Он сунул руку в сумку. Несколько секунд что-то искал, нарочно выдерживая паузу. Потом достал маленького плюшевого медвежонка.

Яна не бросилась к игрушке. Не взяла ее сразу.

Она сначала посмотрела на маму. Потом снова на Олега. И только после этого тихо спросила:

— А как его зовут?

Олег задумался с таким серьезным видом,что Миле стало смешно.

— Представляешь... он всю дорогу молчал. Наверное, ждал, что имя ему придумаешь именно ты.

Яна осторожно взяла медвежонка. Прижала его к себе. Потом подняла глаза на Олега.

— Тогда его будут звать Миша.

— Хорошее имя, — совершенно серьезно согласился он. — Мне кажется, ему очень подходит.

И вдруг Яна улыбнулась. Не медвежонку. Ни маме.

Ему. Именно ему. Олегу.

Мила стояла у двери, не в силах произнести ни слова. Она знала свою дочь. Яна никогда не подпускала к себе незнакомых людей сразу. Никогда не улыбалась из вежливости. Она либо принимала человека, либо нет. Без полутонов.

В этот момент она вдруг поняла, что самое трудное испытание Олег прошел, даже не подозревая об этом.

Олег остался у Милы так естественно, словно всегда жил в этой квартире. Утром она проснулась и не обнаружила Олега в квартире. На секунду сердце неприятно сжалось.

"Ну и что? Он же не обязан отчитываться."

Она тихонько встала, чтобы не разбудить Яну, накинула халат и пошла на кухню. Через несколько минут проснулась дочка

— Мам, а где дядя Олег?

— Не знаю...

Мила старалась ответить спокойно, но сама поймала себя на том, что прислушивается к каждому звуку за дверью. Она уже собиралась поставить джезву с кофе, когда раздался звонок. На пороге стоял Олег. В обеих руках — огромные пакеты.

— А вот и я! — весело сказал он. — Принимай, хозяйка!

— Где ты был?

— Поработал немножко.

Он по-хозяйски прошел на кухню и начал выкладывать покупки. Яна округлила глаза.

— Ой...

На столе появлялись банка за банкой, коробка за коробкой. Фрукты. Сыр. Колбаса.Конфеты. Соки. Настоящий кофе. Красная рыба. Апельсины. Бананы. Даже огромная коробка импортных конфет, которые тогда в Москве можно было увидеть разве что в валютной"Березке". Казалось, продукты не закончатся никогда. Яна тихонько прошептала:

— Мам... Это магазин приехал?

Олег расхохотался.

— Нет. Только маленький продуктовый отдел.

Даже Мила невольно улыбнулась. Потом снова стала серьезной.

— Олеж.. Откуда все это?

Он пожал плечами так, будто вопрос показался ему странным.

— Из магазина.

— Я серьезно.

— И я серьезно.

Он продолжал раскладывать покупки.

— Немного поработал с утра. Потом заехал купить продукты.

— Зачем столько?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Потому что вас надо кормить.

Словно это все объясняло.

Потом сунул руку во внутренний карман куртки и положил перед Милой плотную пачку денег.

Она даже не сразу поняла, что это.

— Это что?

— Деньги.

— Я вижу.

— Тогда почему спрашиваешь?

Она растерянно смотрела то на пачку, то на него.

— Зачем?

Он нахмурился.

— Странный вопрос.

— Очень странный! Мы знакомы всего...

— Двенадцать дней, — спокойно закончил он.

Она удивленно посмотрела на него.

— Ты считаешь?

— Конечно.

— Но...

Он не дал ей договорить. Он впервые произнесил слова очень серьезно.

— Ты одна столько лет тащила на себе всё.

Теперь нас двое. Она молчала.

— Возьми.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не могу.

— Не можешь или не привыкла?

Она опустила глаза. И поняла, что он попал в самую точку.

Она действительно не привыкла.

Не привыкла, что мужчина приносит деньги домой.

Не привыкла, что кто-то думает, чем кормить ребенка.

Не привыкла, что можно не считать каждую копейку.

Не привыкла, что о ней кто-то заботится.

Олег вдруг вздохнул. Потом молча взял деньги обратно.

— Хорошо.

Она облегченно выдохнула. Но рано.

Он подошел к кухонному шкафчику, открыл сахарницу, поднял крышку и аккуратно положил пачку внутрь.

Мила даже вскрикнула:

— Ты что делаешь?!

Он совершенно невозмутимо закрыл крышку.

— Создаю семейный резервный фонд.

Яна прыснула со смеху.

— Теперь у нас сахар очень денежный!

Олег подмигнул девочке.

— Зато сладкая жизнь начинается именно так.

Мила не выдержала и тоже рассмеялась. Она смеялась, а по щекам почему-то текли слезы. Олег подошел ближе.

— Ну вот...

— Что?

— Теперь я не понимаю.

— Чего?

— Ты смеешься или плачешь?

Она покачала головой.

— Не знаю...

И вдруг поняла. Она плакала не из-за денег. Не из-за продуктов. Она плакала потому, что впервые в жизни рядом оказался мужчина, который не спрашивал, чем она может быть ему полезна. Он просто пришел и сделал ее жизнь легче. Без просьб. Без условий. Без громких обещаний.

Как будто именно так и должно быть.

Глава 2

В счастливые времена никто не сидит и не думает: «Какое у меня сейчас счастливое время». Некогда. Все слишком заняты тем, что живут.

Они жили легко, весело и счастливо. Так, как живут люди, которые слишком долго были несчастливы и теперь не перестают удивляться своему счастью.

По утрам Мила уходила на работу, вечером спешила домой к Яне и Олегу. Она с удовольствием готовила на кухне, придумывала новые блюда, пекла блины, варила борщи, запекала мясо — не потому, что была обязана, а потому, что ей впервые хотелось радовать близких людей. Ведь теперь было из чего готовить.

Олег работал почти без выходных, но никогда не приходил с пустыми руками. Казалось, он обладал каким-то удивительным талантом доставать то, чего не было ни у кого.

Шел 1988 год. Москва жила в эпоху тотального дефицита.

За маслом, мясом и колбасой занимали очередь затемно. За стиральным порошком, шампунем или туалетным мылом люди готовы были объехать полгорода. Детская одежда, женские сапоги, импортная техника, кофе, фрукты, конфеты — все это считалось почти роскошью. В магазинах пустели полки, а слово «достать» звучало чаще, чем «купить».

И только в их холодильнике почему-то всегда было полно

еды.

На кухонной полке стояли баночки с кофе, вазочка с конфетами. В ванной появлялись красивые шампуни и детское мыло.

У Яны одна за другой возникали новые игрушки, нарядные платьица, теплые колготки, о которых мечтали многие мамы. Милу это радовало... и одновременно тревожило.

Она никак не могла понять, откуда все это берется. Однажды вечером, раскладывая по шкафам очередные покупки, она не выдержала.

— Олеж...

— А?

— Только честно...

— Это опасное начало разговора.

Она улыбнулась.

— Нет, правда. Откуда ты все это берешь?

Он сделал удивленное лицо.

— Из магазина.

— Не смешно.

— А я и не шучу.

— Но в магазинах этого нет.

— Как это нет? Все есть!

Он загадочно улыбнулся.

Мила рассмеялась.

— Ты опять уходишь от ответа.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что мне очень нравится смотреть, как ты пытаешься быть следователем.

Она шутливо толкнула его в плечо.

— Я серьезно!

— И я серьезно.

Он обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Послушай...

Она подняла глаза.

— В магазинах действительно есть всё.

— Где?

— Там, где знают Олега.

Она покачала головой.

— Так не бывает.

Он засмеялся.

— Бывает.

— Ты что, директор гастронома?

— Хуже.

— Кто?

— Любимый мужчина очень любопытной девушки.

Она не выдержала и тоже рассмеялась.

— Значит, не скажешь?

— Нет.

— Никогда?

Он задумался.

— Когда-нибудь обязательно расскажу.

— Когда?

— Когда ты перестанешь обо мне волноваться.

Мила вдруг стала серьезной.

— Я не поэтому спрашиваю.

— А почему?

Она помолчала.

— Потому что боюсь.

— Чего?

— Что однажды ты не сможешь всё это достать... и будешь переживать, что магазины, где знают Олега закроются, и ты из-за нас расстроишься

Олег посмотрел на нее так внимательно, что она смутилась. Потом медленно провел ладонью по ее волосам.

— Малыш...

— Что?

— Пока я рядом, тебе больше не нужно бояться таких вещей.

Он сказал это совершенно спокойно. Без бравады. Без желания казаться героем. Словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. И именно поэтому она поверила. Не словам. Ему.

Милу удивляло другое. Яна принимала все, что приносил Олег, удивительно спокойно. Новое платье, куклу, медвежонка, коробку конфет, экзотические фрукты, которых она раньше никогда не видела, — девочка смотрела на них с любопытством, брала в руки, говорила: «Красиво...», редко

«Спасибо...» и... всё. Ни восторженного визга. Ни сияющих глаз. Ни детского желания тут же надеть новое платье или немедленно распаковать игрушку.

Словно это было для нее совершенно естественно. Иногда Миле даже казалось, что Яне безразлично, что именно ей подарили. Олег быстро это заметил, но никогда не пытался добиться бурной радости. Он не спрашивал:

— Ну как? Нравится?

Не обижался, если девочка молча ставила игрушку на полку. Он просто садился рядом и говорил:

— Слушай... а давай посмотрим, умеет ли этот медведь играть в прятки? Или:

— Кажется, эта кукла никогда не была на прогулке. Надо срочно исправлять. Постепенно игра начиналась сама собой. Яна не отказывалась. Она играла. Но и тогда ее лицо почти не менялось. Она улыбалась редко. Очень редко. Никогда не обнимала, ни целовала ни маму, ни Олега. Иногда Мила ловила себя на тревожной мысли: а умеет ли моя девочка по-настоящему радоваться? И тут же сердито отгоняла ее.

— Глупости... Просто характер такой.

Но однажды вечером, когда Олег ушел, Яна долго сидела на полу, перебирая одежду для своей новой куклы. Она не заметила, что мама стоит в дверях. Девочка осторожно погладила куклу по голове и едва слышно прошептала:

— Деньги тратят…

Мила вздрогнула. Она тихо закрыла дверь, чтобы Яна ее

не увидела. Она ждала чего угодно: «красивая», «хорошая», «хочу еще куклу»... Но не этих двух слов.

И вдруг память словно распахнула давно забытую дверь.

...Тогда Яне было менее пяти лет. Мила собиралась на работу. Надеть было почти нечего. Уже несколько месяцев она ходила в одном и том же голубом костюме. Коллеги беззлобно подшучивали:

—Мил, , у тебя других нарядов нет? Все время в одном и том же.

Она смеялась в ответ:

— Есть. Просто этот мне так нравится, что остальные завидуют.

В тот день Мила достала из шкафа старое трикотажное платье. Оно давно вытянулось, потеряло форму, и носить его было уже невозможно.

— Хоть свитер получится... — сказала она сама себе и взяла ножницы.

Только отрезала подол, как из-за спины раздался серьезный детский голос:

— Деньги тратишь... вещи портишь.

Мила тогда даже рассмеялась.

— Янка, ты что такое говоришь?

Девочка ничего не ответила.

Только внимательно посмотрела на то, что недавно было платьем, словно действительно жалела не его, а потраченные на него когда-то деньги.

Эту историю Мила потом не раз рассказывала подругам, и все дружно смеялись:

— Надо же, какая хозяйственная растет!

Тогда это казалось забавным.

Теперь — почему-то перестало.

Сейчас Яна ходила в первый класс. Училась без особого энтузиазма. Книги читать не любила, рисовать тоже. Зато могла часами сидеть рядом со взрослыми, внимательно слу-

шая их разговоры. Во дворе ее любимым местом была лавочка, где собирались бабушки. Она молча устраивалась рядом и впитывала каждое слово, словно это были самые интересные истории на свете. Мила ломала голову, чем увлечь дочь. Казалось, она перепробовала всё.

Сначала появилась кошка Сима. Но очень скоро выяснилось, что кошка совсем не разделяет Яниного желания воспитывать ее. После нескольких неудачных «воспитательных бесед» пришлось искать Симе новый дом.

Потом была балетная студия. Преподавательница выдержала три занятия и однажды, виновато улыбаясь, сказала:

— Простите... Но ваша дочь прекрасно танцует, но только остальные девочки не могут заниматься.Она им мешает.

Гимнастика закончилась после первого же неудачного падения. Яна плакала так горько, будто ее заставляли ежедневно покорять Эверест.

Плавание продержалось чуть дольше. Но вскоре тренер развел руками:

— Она умеет плавать. Просто категорически не хочет.

Фигурное катание отпало после первой зимней тренировки.

— Там холодно, — заявила Яна с таким видом, словно сообщала неопровержимый научный факт.

Кулинарный кружок закончился еще быстрее.

— Там жарко.

Мила только разводила руками.

Иногда ей казалось, что дочь родилась с удивительным талантом находить убедительную причину, почему не стоит делать именно то, что ей предлагают.

И все же было одно занятие, от которого Яну невозможно было оторвать. Она слушала людей. Могла часами сидеть рядом, пока взрослые разговаривали о жизни, соседях, работе, деньгах, семейных ссорах или чужих судьбах.

Она почти никогда не вмешивалась в разговоры взрослых.

Просто сидела рядом, слушала. Иногда казалось, что она вообще не обращает внимания. Но спустя несколько дней вдруг неожиданно повторяла чью-то фразу слово в слово.

Именно ту, которую никто, казалось, не должен был запомнить. Особенно если разговор заходил о деньгах. Мила не придавала этому значения. Дети ведь всегда подслушивают взрослых. Только почему-то Яна запоминала именно это. Тогда Мила не видела в этом ничего особенного.

Мила еще вспомнила, как однажды воры обокрали соседнюю квартиру. Весь подъезд только об этом и говорил. Женщины ахали, мужчины обсуждали замки, кто-то уверял, что видел подозрительных людей еще накануне. Вернувшись домой, Мила облегченно вздохнула:

— Слава Богу, к нам не залезли. У нас замок такой, что его, наверное, пальцем открыть можно.

Яна подняла голову от игрушек.

— Мам...

— Что?

— А если бы к нам залезли... у нас украли бы все деньги?

Мила улыбнулась.

— Нет, Мася.

— Почему?

— Потому что самое ценное в нашем доме — не деньги.

— А что?

Мила обвела взглядом комнату и кивнула на многочисленные книжные полки.

— Книги. Их ни за какие деньги не купишь. Это - самое ценное, что у нас есть.

Яна серьезно посмотрела на книги. Потом перевела взгляд на маму. И очень спокойно сказала:

— Нет.

— Почему «нет»?

— Самое ценное — деньги.

Мила рассмеялась.

— Глупенькая...

Но Яна не улыбнулась. Она еще раз повторила, уже совсем тихо, будто говорила сама с собой:

— Если есть деньги, можно купить всё.

Мила тогда лишь пожала плечами. Ей тогда показалось, что это просто детская логика.

Вдруг Яна попросила, чтобы ее записали в музыкальную школу. В доме было пианино, на котором тогда часто играла Мила, хотя уже многое забывалось после окончания музыкальной школы, но детские песни она с удовольствием иг-

рала для Яны. Мила повела ее в школу на прослушивание Классы по фортепьяно переполнены, но есть места в классы виолончели. Яна радостно запрыгала:

- Хочу на виолончели играть!

- Ян, я не смогу тебе помочь с виолончелью. Давай на следующий год пойдем на фортепьяно?

- Нет, они мне сказали, что это королевский инструмент, я хочу только на нем играть.

Мила согласилась. Купили виолончель, смычок. И началось….

Поскольку и Мила, и Олег до вечера были на работе, Яна должна была 3 раза в неделю сразу после школы идти на уроки в музыкальную школу. Поэтому, к приходу Милы она не успевала делать домашнее задание в школе, а также домашние упражнения по музыке. Учителя писали замечания в оба дневника и Мила помогала ей с уроками как могла. Потом вдруг сломалась виолончель. Олег с трудом нашел мастера для починки, и Яна не ходила в музыкальную школу две недели. После починки инструмента сломался смычок, Олег с трудом купил новый, и Яна не занималась музыкой еще две недели. Потом – опять виолончель…. Однажды Мила пораньше вернулась с работы и, подходя к дому, увидела Яну, которая поднималась к подъезду по лестнице, волоча за собой виолончель. Инструмент издавал жалобные звуки при ударе о каждую ступеньку.

Она поняла, что виолончель опять будет требовать ремон-

та. Когда Олег пришел домой, Мила рассказала ему об увиденном. Они позвали Яну на кухню и попросили объяснить, зачем она делает.

Она вошла спокойно, даже немного настороженно посмотрела на родителей. Олег первым нарушил молчание.

— Ян, скажи честно, почему ты снова сломала виолончель?

— Я не ломала.

— А кто?

— Она сама...

— Сама ударялась о ступеньки?

Яна молчала.

— Мама видела, как ты тащила ее по лестнице.

— Потому что она тяжелая.

— Но ведь можно было не тащить, а нести в руках?

— Мне было лень нести, - ответила она совершенно спокойно, без тени смущения.

Мила даже растерялась от такого ответа.

— Яночка... Но ведь мы столько сил и денег потратили, чтобы ее починить. Уже не в первый раз.

— Ну и что?

— Как это - «ну и что»?

— Почините еще раз.

Олег внимательно посмотрел на девочку.

— Ты думаешь, это так просто?

— А что тут такого?

— Это стоит денег. Я трачу много времени на это.

Яна пожала плечами.

— У вас же есть деньги.

— Кто тебе сказал?

— Я знаю. Есть.

— Откуда ты знаешь?

— Ты всегда их приносишь.

Олег помолчал.

— А если однажды не принесу?

— Принесешь.

— Почему ты так уверена?

Девочка посмотрела на него почти снисходительно:

— Потому что взрослые всегда должны зарабатывать деньги.

Мила почувствовала, как внутри все похолодело.

— Ян, а если бы ты сама купила эту виолончель?

— Не купила бы.

— Почему?

— Жалко денег.

Повисла тишина.

— Значит, своих денег тебе жалко... — тихо сказал Олег.

— Да.

— А наших — нет?

Яна пожала плечами.

— Они же не мои.

Мила не выдержала.

— Яна! Как тебе не стыдно!

Девочка мгновенно опустила голову, глаза наполнились слезами.

— Я больше не буду... - она всхлипнула так жалобно, что любой поверил бы.

Мила потянулась к дочери, чтобы обнять ее, но Олег едва заметно остановил ее взглядом.

Он внимательно наблюдал за Яной. И вдруг спокойно спросил:

— Ты сейчас говоришь правду... или хочешь, чтобы мама перестала сердиться?

Слезы мгновенно прекратились.

Настолько быстро, что Мила даже не успела этого осознать.

Яна подняла голову.

— Не знаю...

Олег смотрел на нее.

— Нет, знаешь.

Девочка отвернулась от него.

— Просто не люблю, когда меня ругают.

— А делать что-нибудь собираешься?

Она молчала. Очень долго, а потом нехотя сказала:

— Постараюсь... Но я не хочу больше играть на виолончели.

— Почему? —спросил Олег.

Яна пожала плечами.

— Надоело. Это тяжело.

— А раньше ты говорила, что это королевский инструмент.

— Тогда хотела, а сейчас не хочу.

— Потому что нужно заниматься?

Девочка промолчала. Олег внимательно посмотрел на нее.

— Ян, запомни одну вещь. Все люди хотят чему-то научиться, получить результат. Но немногие готовы каждый день делать то, что к этому результату приводит. Если бросать каждое дело, как только становится трудно, не останется ничего, кроме несбывшихся желаний.

— Можно я больше не пойду?- Яна опустила голову.

Мила уже хотела согласиться, но Олег мягко остановил ее взглядом.

— Нет, —ответил он. — Ты закончишь этот учебный год.

— Не хочу...

— Верю. Но надо.

— Это скучно.

— Наверное.

— И тяжело.

— Согласен. Но ты должна научиться доводить все до конца.

Яна ничего не ответила. В тот вечер она впервые столкнулась с человеком, который не ругал ее, не кричал и не уговаривал, а просто отказался играть по её правилам.

А Мила, верная своей многолетней привычке не травми-

ровать ребенка — «ребенку нельзя нервничать», — тут же обняла дочь и принялась успокаивать.

— Ничего страшного... Не плачь... Мы что-нибудь придумаем...

Яна позволяла себя обнимать, время от времени всхлипывала, но исподтишка внимательно поглядывала на Олега, словно пытаясь что-то понять.

Он не повышал голоса, не сердился и не читал нотаций.

Просто молча смотрел на девочку. И именно этот спокойный взгляд почему-то тревожил ее гораздо сильнее, чем любой окрик, чем любой родительский гнев.

Учебный год они все-таки дотянули.

Глава 3

У каждого человека есть семья. Иногда это просто факт биографии. А иногда — обстоятельство непреодолимой силы.

Олег решил познакомить Милу со своими родителями. В воскресенье они поехали к ним в гости. Почему-то именно Олег заметно нервничал. Всю дорогу он почти не шутил, курил одну сигарету за другой и молчал. Мила несколько раз пыталась разговорить его, но он лишь улыбался:

— Всё нормально.

Она чувствовала, что это неправда. Ведь это именно она попросила его о встрече с родителями. Может быть зря?

Ей было интересно. Она много слышала о его родителях, но до сих пор не могла понять, почему человек, так умеющий любить и заботиться о других, почти не общается с собственной семьей.

Вернее, не общается совсем.

Мать Олега работала инженером в одном из московских проектных институтов.

Отец занимал высокую должность в крупном научно-исследовательском институте.

Они жили вдвоем в небольшой двухкомнатной квартире на севере Москвы.

Когда-то семья жила в просторной четырехкомнатной

квартире, но, когда сыновья выросли, родители решили разменять жилье. Себе оставили отдельную квартиру, а Олегу и его младшему брату выделили по комнате в разных коммуналках.

Олег рассказывал об этом неохотно, словно каждое слово давалось с трудом. Однажды вечером он всё же признался Миле:

— Самое смешное, что я до последнего верил: родители всегда остаются родителями. — Он горько усмехнулся. — Вернулся из армии, думал — вот она, взрослая жизнь...

Он замолчал, глядя в пустоту.

— А они сказали: «Тебе нужно выписаться. Найди себе другую прописку».

— Как — другую? — не поняла тогда Мила.

— Вот и я так спросил. — Олег пожал плечами. — Мне было двадцать, я был наивным пацаном. Даже представить не мог, что человек не может просто прийти и прописаться, куда захочет. На следующее утро пошел в жилищную контору, попросил оформить документы. Женщина за столом долго смотрела на меня, а потом спросила: «Молодой человек, вы вообще понимаете, о чем просите?»

Вернулся он ни с чем. Вскоре родители оформили размен.

Олегу досталась крошечная комната на Сретенке в коммуналке с двумя соседями.

— Мне дали адрес и ключ. И всё. Ни шкафа, ни кровати, ни стола. Ни ложки, ни кастрюли. Пустота.

Он произнес это совершенно спокойно, без тени обиды. Но именно это спокойствие испугало Милу больше всего.

— А потом?

— А потом... — он снова пожал плечами. — Потом я понял, что рассчитывать могу только на себя.

После размена родители почти перестали интересоваться его жизнью. Не спрашивали, как он, не приходили в гости, не звонили. Словно, выделив сыну комнату, они поставили галочку в списке родительских обязанностей и сочли долг исполненным.

Мила слушала молча. Она не удивлялась. Ее собственное детство тоже не было согрето любовью; она слишком хорошо знала, что родные люди порой причиняют боль сильнее, чем чужие. Но поразило ее другое. Они с Олегом выросли в почти одинаковом эмоциональном холоде, оба слишком рано усвоили урок одиночества. Но выводы сделали разные.

Мила научилась терпеть, всё делать сама и ни у кого ничего не просить. Олег же не ожесточился. Он не стал брать — он научился отдавать. Словно пытался построить ту се-

мью, которой сам был лишен, и теперь хотел подарить это тепло Миле.

Теперь ей стало ясно, почему он так болезненно реагировал на любую несправедливость и почему так бережно, с какой-то естественной нежностью заботился о ней и Яне. Для него настоящий дом никогда не был просто квадратными метрами. Это было место, где тебя ждут, где о тебе пекутся и где никто не чувствует себя лишним.

Олег дорожил тем, что обрел сейчас — возможностью стать не просто «непонятым сыном», а мужчиной, способным создать семью, в которой любовь не нужно заслуживать. Многие, не знавшие тепла, перестают верить, что оно вообще существует. Олег оказался другим: он решил построить его сам.

Наверное, люди делятся на тех, кто передает дальше боль, полученную в детстве, и на тех, кто всю жизнь старается, чтобы ее больше никто не испытал. Олег и Мила были из вторых. Каждый из них всю жизнь искал настоящий дом, и, сами того не замечая, они начали строить его вместе.

Дом, в котором любовь была не наградой, а воздухом.

Мила смотрела на него, и в ее глазах отражался мягкий свет лампы. В кухне, где пахло свежезаваренным чаем и уютом, не было той ледяной пустоты, что когда-то встретила Олега на Сретенке. Здесь каждый предмет — от небрежно приклеенного детского рисунка Яны до полки, которую Олег прибил своими руками, — был пропитан смыслом. Это бы-

ли не просто вещи. Это были доказательства того, что они существуют. Что они важны.

— Знаешь, — тихо произнесла она, накрывая его ладонь своей. Ее пальцы слегка дрожали. — Я ведь тоже долго думала, что дом — это просто стены, которые защищают от дождя. А потом поняла: стены — это лишь стены. Настоящий дом — это люди, которые не уходят, когда становится трудно. Люди, которые не выставляют тебя за дверь, когда ты становишься «лишним».

Олег поднял на нее взгляд. В его глазах, обычно спокойных и рассудительных, сейчас читалась такая бездна нежности, что у Милы перехватило дыхание. Он не стал отвечать. Он просто перевернул ее ладонь и поцеловал.

— Мы больше не одни, — сказал он почти шепотом, и в этом голосе слышалось обещание, которое он давал самому себе каждый день. — И Яна... она никогда не узнает, что такое «выписаться в никуда». Она никогда не почувствует, что ее присутствие — это обуза.

В этот момент в соседней комнате послышался сонный шорох. Яна, еще не до конца проснувшись, вышла в коридор, остановилась, глядя на них. Олег поднялся, легко подхватил девочку на руки и прижал к себе. В этом простом, естественном жесте было всё: его исцеление, его победа над прошлым, его тихая, негромкая любовь, которая оказалась сильнее любого холода. Он прижался щекой к детским волосам, и Мила увидела, как на мгновение на лице Яны мелькнуло

нула счастливая улыбка, ее плечи расслабились — впервые за всё последнее время.

Мила наблюдала за ними, и внутри нее, там, где годами жила настороженность, вдруг стало тепло и тихо. Она поняла: они не просто были вместе. Они возводили свой дом, в котором больше не было места страху быть отвергнутым. Они стали друг для друга тем самым «родительским домом», которого так или иначе были лишены в детстве. Они доказали, что любовь — это не то, что тебе выдают по праву рождения, а то, что ты создаешь сам, кирпичик за кирпичиком, каждый божий день, вопреки всему.

За окном шумел дождь , но здесь, внутри, было тихо. В этой тишине, наполненной дыханием спящего ребенка и теплом их переплетенных рук…

Они больше не искали пристанища. Они сами стали им.

Наступило воскресенье. Машина припарковалась у дома на севере Москвы и остановилась у подъезда родителей. Олег заглушил мотор, но не спешил выходить. Он нервно постукивал пальцами по рулю, прокручивая в голове сценарий предстоящего вечера.

— Боишься? — тихо спросила Мила.

Он усмехнулся.

— Нет...

Помолчал.

— Просто не люблю сюда приезжать.

Мила ободряюще коснулась его плеча.

— Все будет хорошо.

Ей не терпелось увидеть родителей Олега — в её глазах читался живой интерес, в то время как ему явно не хотелось туда идти. Они поднялись на лифте и подошли к двери. За дверью послышались шаги Замок щелкнул, и дверь распахнулась. На пороге стояла мама Олега — женщина с внимательной и чуть прищуренной улыбкой, не выказывающей особой радости при их появлении. Улыбались только губы.

Она окинула их быстрым, оценивающим взглядом, в котором за долю секунды промелькнуло всё: от вежливого любопытства до настороженности.

Глаза оставались холодными и внимательно изучали Милу с головы до ног.

Олег переступил порог, чувствуя, как обстановка этого дома на мгновение сбивает его с толку. Он представил Милу, стараясь придать голосу уверенности, хотя внутри всё еще боролся с желанием просто развернуться и уйти обратно в машину.

Мать кивнула. Без особого интереса. Словно речь шла не о женщине, которую сын впервые привел знакомить с семьей, а о случайной знакомой.

Мила же, сделав шаг вперед, сразу почувствовала себя в центре внимания. Она улыбнулась родителям Олега так искренне и открыто, что напряжение в прихожей, казалось, стало чуть менее плотным. Она не пыталась казаться лучше, чем есть, и это спокойствие стало для Олега самым неожи-

данным открытием вечера. Он понял: самое сложное — переступить порог — уже позади, а дальше всё будет зависеть от того, как они справятся с первым посещением.

В гостиной царил творческий беспорядок: отец Олега, окруженный грудой досок и фурнитуры, пытался собрать новый шкаф. Олег, увидев это, тут же поспешил на помощь. Тем временем мать увлекла Милу на кухню. Но вместо того чтобы просто накрыть на стол, она с порога начала «презентацию» своей персоны, перечисляя свои достоинства с таким напором, будто проходила собеседование на должность идеальной свекрови. Она принялась нахваливать себя, превращая обычный разговор в монолог о собственной исключительности.

Она рассказывала легко, с удовольствием. О том, как всегда прекрасно выглядела. Как ей завидовали коллеги. Как мужчины оборачивались вслед. Как трудно было поддерживать форму. Постепенно разговор превратился в длинный монолог. Казалось, в этой истории существовал только один главный герой. Она сама.

Тем временем в гостиной обстановка была менее уютной. Отец, утирая пот со лба, ворчал на невнятную инструкцию, а Олег, стоя на коленях перед полусобранным каркасом, пытался прикрутить дверцу.

Мила слушала внимательно, вежливо кивая, но постепенно её внимание начало рассеиваться. Она вздрогнула лишь тогда, когда голос женщины внезапно окреп:

— Они всегда мне мешали! Я так люблю красиво одеваться, но вечно приходилось тратиться на них…

—

На кого? — переспросила Мила.

— На детей! — женщина поморщилась. —

Знаете... если бы не дети, я могла бы жить совсем по-другому.

Мила подняла глаза.

— В каком смысле?

— Они всегда требовали денег. — Конечно, я покупала им то одежду, то обувь. Но, если честно... мне было нужнее.

Мила замерла. Воздух в комнате словно стал плотнее, а слова женщины повисли в тишине, неприятно царапая слух. Она смотрела на собеседницу, пытаясь разглядеть в её лице хоть тень раскаяния или иронии, но та лишь поправила прическу, с явным удовольствием любуясь своим отражением в зеркале.

— Вы серьезно? — тихо спросила Мила, чувствуя, как что-то болезненно сжалось. Женщина пожала плечами, даже не повернув головы, спокойно продолжила:

— А что такого? Красота требует жертв, дорогая. А дети… они ведь всё равно не понимают цены вещей. Им бы только брать. Через месяц им уже нужно что-нибудь другое.

Мила молчала.

Перед глазами вдруг возникла Яна. Ее дешевое байковое пальтишко, перешитые платья.

Моменты, когда приходилось выбирать между одеждой для дочери и зимними сапогами для себя. Она никогда не выбирала себя.

Она вспомнила себя в детстве: школьная форма и треники. « Важно не то, что на тебе, а то, что в голове»

Вспомнила, как Олег рассказывал, что до 10 класса у него была только противная серая школьная форма, в которой он ходил не только в школу, но и в гости, на праздники.

Мила медленно поднялась их-за стола. Ей вдруг стало тесно в этой роскошной кухне, пропахшей самолюбованием и равнодушием. Она поняла, что больше не хочет слышать ни слова.

— Знаете, — произнесла она, направляясь к выходу, — иногда самые дорогие вещи — это те, которые мы так и не научились ценить.

Мать Олега поджала губы, явно не ожидала такого ответа.

В этот момент на кухню вошел Олег. Он сразу почувствовал напряжение: перевел взгляд с Милы на мать и всё понял без слов.

— Нам пора, — спокойно сказал он.

— Но мы даже чай не пили! — удивилась мать.

Олег взял Милу за руку.

— В другой раз.

— Уже уходите? Почему?

Он посмотрел на мать спокойным взглядом и, улыбаясь, сказал:

— Потому что дома нас ждет ребенок.

Мать Олега открыла рот, чтобы возразить, но не сказала ни слова, удивившись, что во взгляде сына не было ни ника-

кого оправдания , ни желания угодить, к которому она привыкла за годы их редких встреч

Они молча спустились на лифте. Только когда они оказались на улице, в шуме вечернего города, Мила остановилась и посмотрела на Олега.

— Ты не злишься? — тихо спросила она. — Я ведь… я не сдержалась.

— Знаешь, — сказал он, глядя куда-то вдаль, — я всю жизнь пытался заслужить её одобрение. Старался быть «удобным», чтобы она не чувствовала, что я — обуза. А сегодня, когда она это сказала… я вдруг понял, что она никогда не любила нас.

— Больше мы сюда не придем, — тихо сказал Олег, когда машина выехала со двора. — У нас есть Яна. И я никогда не позволю ей услышать, что она — пустая трата денег.

— Не говори так, Олежка... Все-таки это твои родители.

Он долго молчал.

— Знаешь, — нарушил молчание Олег, не отрывая взгляда от дороги, — я ведь всегда думал, что это со мной что-то не так. Что я недостаточно стараюсь, недостаточно хороший, недостаточно «успешен» для её стандартов. Всё время пытался заслужить ее одобрение. А сегодня...

Он усмехнулся.

— Сегодня вдруг понял, что заслужить его было невозможно.

Мила осторожно погладила его по плечу.

— Наверное... Она просто любила твоего брата больше.

— Возможно.

Он пожал плечами и неожиданно улыбнулся.

— Помнишь, я рассказывал тебе про электрогитару?

— Нет.

—Я мечтал о ней больше всего на свете. Родители обещали подарить на день рождения.

— И что?

— Наступил день рождения.

— Подарили?

— Подарили.

—Гитару?

— Люстру.

Мила сначала не поняла.

— Какую... люстру?

— Самую настоящую. Дорогую. Огромную. Хрустальную.

Она рассмеялась.

— Подожди... Это тебе подарили люстру?

— Нет. Себе.

— А тебе?

— Мне объяснили, что гитара — слишком дорогое удовольствие. А люстра дому нужнее.

Он сказал это с таким невозмутимым видом, что Мила уже не смогла сдержаться и расхохоталась.

— Бедный ребенок...

— Между прочим, я тогда искренне согласился.

— Правда?

— Конечно. Даже помогал ее вешать.

— Еще и помогал?!

— Да. Стоял на стремянке и держал плафоны. Наверное, чтобы мое детское счастье было надежнее прикручено к потолку.

Мила уже смеялась сквозь слезы.

— Подожди... Это тебе подарили люстру?

— Нет. Себе.

— А тебе?

— Мне объяснили, что гитара — слишком дорогое удовольствие. А люстра дому нужнее.

Он сказал это с таким невозмутимым видом, что Мила уже не смогла сдержаться и расхохоталась.

— Бедный ребенок...

— Между прочим, я тогда искренне согласился.

— Правда?

— Конечно. Даже помогал ее вешать.

— Еще и помогал?!

— Да. Стоял на стремянке и держал плафоны. Наверное, чтобы мое детское счастье было надежнее прикручено к потолку.

Мила уже смеялась сквозь слезы.

— Теперь я понимаю, почему ты так хорошо вкручиваешь лампочки.

— Это моя детская психологическая травма.

— Нет. Это твоя специализация.

— Какая?

— Семейный электрик.

— Почему?

— Потому что всю жизнь чинишь то, что родители умудрились выключить.

Олег впервые за весь вечер рассмеялся по-настоящему.

- Зато теперь ты понимаешь, что люстра была не для дома, а для того, чтобы мама могла видеть, как ты страдаешь, когда не играешь на гитаре. - сказала Мила

- Ага, меня предали ради хрусталя. Как? Мне просто подарили люстру, которая светит ярче, чем мое будущее.

- Родители справедливо решили, что освещение в гостиной важнее, чем твой музыкальный слух. Теперь тебе нужно работать электриком, чтобы мстить всем люстрам мира.

— Малыш, мы всё делаем правильно?

— Да, Олежка! Мы купим вторую люстру, чтобы ты мог страдать в два раза ярче! Да, и не забудь почаще протирать хрусталь.

- Очень смешно! – развеселился Олег.

Глава 4

У каждого есть прошлое. Но иногда оно почему-то решает, что пора стать вашим настоящим, и с грохотом вываливается прямо в гостиную - требуя чаю, внимания и своего места в настоящем.

У Олега был абсолютный музыкальный слух. Он немного играл на пианино, но по-настоящему его инструментом была гитара.

А еще он удивительно пел. В первый раз, услышав его голос, Мила даже перестала дышать.

По коже побежали мурашки. Голос был глубоким, теплым, удивительно чистым. В нем не было ни желания произвести впечатление, ни актерской красивости — только искренность, от которой становилось светло и спокойно. Она могла слушать его бесконечно.

А когда он легко, почти незаметно, уходил на высокие ноты, ей казалось, что сердце на мгновение переставало биться. От его голоса кружилась голова, и хотелось, чтобы песня никогда не заканчивалась.

Позже она поймет, что влюбилась в Олега не только за его надежные руки, не только за заботу и чувство юмора. Она влюбилась в его голос.

Потому что в нем было то, чего ей так не хватало всю

жизнь, — тепло, уверенность и любовь.

Часто приходили гости. Казалось, эта маленькая квартира сама притягивала людей. Здесь не было дорогой мебели или роскошного ремонта, зато было то, чего многим так не хватало, — тепло, веселье, помощь.

Когда разговоры затихали, Олег доставал гитару, садился у стола и квартира сразу становилась другой.

Яна устраивалась рядом с мамой или прямо на полу, обняв колени, и, не мигая, смотрела на него. Она просто сидела и слушала.

Олег никогда не пел специально. Не устраивал концертов. Не просил тишины. Не пытался произвести впечатление.

Он просто брал гитару, проводил рукой по струнам и начинал петь так, словно разговаривал с самыми близкими людьми.

Иногда это были песни Высоцкого. Иногда — народные песни. Иногда старые песни и романсы.

А порой он неожиданно переходил на дворовые, смешно разыгрывая целые сценки . Менял голоса, смешно изображал героев, строил такие серьезные лица, что через минуту вся компания уже хохотала до слез.

Но больше всего Мила любила романсы. Ей казалось, что он поет только для нее. Он пел, не отрывая от нее взгляда и от этого у нее замирало сердце. Казалось, слова песен вдруг становились их собственной историей.

Иногда она забывала, что вокруг сидят люди. Оставались

только он... его голос... его глаза и его руки.

Гости тоже старались подпевать, но голос Олега звенел такой мощью, чистотой. Он был настолько глубоким и красивым, что оставалось только одно желание - слушать.

Иногда Яна приносила ему гитару и просила спеть . И он никогда не отказывал. Специально для Яны он пел детские песни, дурачился, нарочно путал слова, строил рожицы…. Яна заливалась смехом. Всем было уютно и весело.

Мила вдруг поняла, что впервые в жизни живет в доме, где смеются без причины. Поют просто потому, что хочется. Готовят ужин не потому, что «надо поесть», а чтобы вместе собраться за столом. Обнимают не за что-то, а потому что любят. В такие минуты ей казалось, что счастье — это совсем не что-то огромное и недосягаемое.

Оно вот здесь. За этим столом. В чашках с недопитым чаем. В детском смехе. В звуках старой гитары. В мужчине, который умел одним своим голосом сделать маленькую квартиру самым уютным местом на свете.

И однажды ночью она проснулась от того, что ей стало страшно. Страшно не потерять это счастье. Страшно однажды проснуться и понять, что все это ей только приснилось.

Олег был удивительным человеком.

Среднего, крепкий, физически очень сильный — в юности он занимался спортом, потом служил в армии. Казалось, рядом с ним можно ничего не бояться. Но больше всего Милу поражала не его сила. Она была удивлена тому, насколько этот сильный мужчина оказался добрым.

За все время она ни разу не слышала, чтобы он повысил голос. Он не любил споров, никогда не доказывал свою правоту криком, легко уступал в мелочах, но если дело касалось человеческого достоинства, справедливости или близких людей, становился удивительно твердым. Переубедить его было невозможно.

Он много читал, умел слушать, обладал тонким чувством

юмора и каким-то редким внутренним благородством, которое сегодня встречалось все реже.

Но больше всего поражала его щедрость. Он словно всю жизнь пытался наверстать то, чего когда-то был лишен сам.

Почти каждый день появлялся дома с каким-нибудь сюрпризом. То приносил огромный пакет сладостей. То украшение для Милы. То платье. То игрушку для Яны. А просто букет цветов без всякого повода – постоянно. Ему доставляло настоящее удовольствие видеть радость в глазах тех, кого он любил. Иногда Мила даже начинала сердиться.

— Олежка, ну зачем? У нас же все есть.

Он только смеялся. Особенно он баловал Яну.

Платья, красивые туфельки, шубки, игрушки...

Однажды мама Милы не выдержала.

— Олег, ну зачем ты столько одежды покупаешь ребенку? Через год она вырастет, и все это придется выбросить.

Он удивленно посмотрел на нее, словно вопрос показался ему странным.

— И что?

— Жалко ведь денег.

Олег покачал головой.

— Деньги для того и существуют, чтобы делать жизнь лучше и радостнее.

Он посмотрел на играющую Яну и тихо добавил:

— Девочка должна чувствовать себя красивой. Не носить платье на вырост. Не ждать, пока вырастет до чужих ве-

щей. Не донашивать то, что осталось от кого-то. Она должна знать, что ее любят. И если новое платье может подарить ей это чувство — значит, оно стоит каждой потраченной копейки.

Мила молча смотрела на него. Она понимала, что дело было вовсе не в платьях. Не в игрушках. Не в подарках.

Олег словно каждый день заново доказывал двум самым дорогим для него людям одну простую мысль: «Вы достойны самого лучшего просто потому, что вы есть.»

При этом на себя он жалел денег. На Милу и Яну он мог потратить последние деньги, а вот на себя — никогда.

Стоило Миле предложить купить ему новую куртку, хороший костюм или ботинки, как он тут же отмахивался:

- Нет, мне не надо

-Почему, у тебя же этого нет?

- Мне не нравится

- За то мне нравится

- Не могу… Жаба душит.

И говорил это с такой искренностью, словно действительно совершал страшное преступление, покупая что-то для себя.

Приходилось буквально прилагать неимоверные усилия, чтобы уговорить его. Иногда почти силой вести в магазин.

— Олег, посмотри, какой хороший свитер.

— У меня есть свитер

— Но он уже старый

- Нормальный

Порой Миле казалось, что Олег испытывал куда больше радости, покупая что-то для других, чем получая самому. Но и она была устроена точно так же: ей доставляло особенное счастье выбирать что-нибудь для него или для Яны, представлять их реакцию, заранее радоваться тому мгновению, когда подарок окажется в руках.

Она вспомнила случай, произошедший в самом начале их знакомства — кажется, на второй или третий день.

Они ехали к Миле вместе с Юлькой. Проезжая мимо универмага на их улице, Мила вдруг вспомнила, что ей нужно купить какую-то мелочь.

— Олег, остановитесь, пожалуйста. Мы на минутку.

— Конечно, — ответил он.

Они с Юлькой вышли, а Олег остался ждать в машине.

В обувном отделе стояла очередь. В те годы очередь сама по себе уже была достаточной причиной остановиться. Если люди стояли, значит, что-то«выбросили». Что именно — не так уж важно. Сначала занимали место, потом выясняли.

У Милы не было приличной обуви, поэтому она немедленно пристроилась в хвост.

— Я узнаю, что дают, — сказала Юлька и исчезла в толпе.

Через несколько минут она вернулась.

— Мужские импортные туфли. Пойдем отсюда.

Мила уже собиралась выйти из очереди, но перед глазами вдруг возникли ботинки Олега — старые, стоптанные, с за-

ломами на носах. К тому же было заметно, что они ему малы: он ходил в них так, словно каждый шаг требовал отдельного мужества.

— Юль, сходи скажи ему, что придется немного подождать.

Юлька уставилась на нее.

— Зачем?

— Просто скажи.

— Мила, это мужские туфли.

— Я поняла.

— Ты что задумала?

— Пока ничего. Но очередь терять жалко.

— Зачем тебе мужские туфли?

— Иди, Юля.

Туфли оказались действительно замечательными: импортными, мягкими, модными, красивого темно-коричневого цвета. Мила долго сомневалась с размером, но в конце концов выбрала тот, который показался ей подходящим.

На кассе выяснилось, что покупка обошлась почти в половину зарплаты, полученной ею в тот же день.

На мгновение стало жалко денег. Но только на мгновение.

Она вышла из универмага с коробкой в пакете и всю дорогу до машины размышляла, как вручить подарок мужчине, которого знала всего два дня. Подходящего объяснения так и не придумала.

Олег сидел за рулем. Мила подошла к водительской двер-

це,

открыла ее и как можно серьезнее сказала:

— Олег, вы можете показать мне ваши туфли?

Он удивленно повернул к ней голову.

— Зачем?

— Очень нужно. Потом объясню.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Он посмотрел на Юльку, словно надеялся получить от нее перевод происходящего на нормальный человеческий язык.

Юлька только пожала плечами.

— Что ты на меня смотришь? Я не знаю.

Олег с явным недоверием снял один ботинок и протянул Миле. Она взяла его, осмотрела и сказала:

— А второй?

— Вам обязательно оба?

— Обязательно. Пожалуйста.

— Это какой-то эксперимент?

— Почти.

Все еще ничего не понимая, он снял второй ботинок.

Мила взяла оба, развернулась и решительно выбросила их в стоявшую неподалеку урну. Олег и Юлька замерли.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Первой опомнилась Юлька.

— Мила! Ты что наделала? Февраль на дворе! Он теперь как пойдет?

— Нормально пойдет.

— В носках?!

— Не переживай!

Мила достала из пакета коробку и протянула ее Олегу.

— Вот так пойдет. Примерьте.

Он смотрел то на коробку, то на урну, то на Милу.

— Вы сейчас серьезно?

— Абсолютно.

— А если я не возьму?

— Тогда будете сидеть в машине до весны.

Юлька возмущенно всплеснула руками:

— Я же говорила, она ненормальная!

Под ее осуждающим взглядом Олег открыл коробку, достал туфли и надел. Они подошли идеально.

Мила радостно рассмеялась.

— Ну вот! Я же знала.

— Откуда вы могли знать? — спросил он, все еще не оправившись от потрясения.

— По лицу.

— По лицу определяют размер обуви?

— У талантливых людей — да.

Олег несколько раз прошелся возле машины, словно не верил собственным ногам.

Новые туфли были удобными, мягкими и сидели так, будто их шили специально для него.

— Я обязательно верну вам деньги, — повторял он. —

Правда. Сегодня же. Спасибо, но так нельзя.

— Почему нельзя?

— Это неправильно!

— Все правильно.

— Все равно я отдам.

— Хорошо, — спокойно согласилась Мила. — Когда-нибудь.

— Нет, завтра.

— Посмотрим.

Он еще долго благодарил ее и явно чувствовал себя неловко, будто подарок был не радостью, а серьезным финансовым обязательством.

По дороге домой Юлька наклонилась к Миле и тихо, но яростно зашептала:

— Ты с ума сошла? Ползарплаты на него потратила! Ты его почти не знаешь.

— Знаю. Достаточно того, что ты его сосватала!

— Что именно ты знаешь?

— Что у него ботинки на два размера меньше.

— А если он тебе деньги не вернет?

Мила посмотрела на Олега, который сидел впереди и время от времени осторожно шевелил пальцами в новых туфлях, будто проверял, действительно ли они не жмут.

— И не надо.

— Как это — не надо?

— Зато будет ходить в нормальных ботинках, а не как без-

домный таксист.

Олег услышал и возмутился:

— Между прочим, мои старые ботинки были еще вполне приличные.

— Конечно, — невозмутимо ответила Мила. — Особенно после того, как я отправила их туда, где им самое место.

Юлька фыркнула.

— Вы нашли друг друга. Один экономит на себе до последней дырки, другая выбрасывает его обувь без суда и следствия.

Олег впервые за весь вечер рассмеялся.

— Теперь я хотя бы знаю: рядом с Милой нельзя снимать обувь без уважительной причины.

Позже он все-таки попытался вернуть деньги. Мила отказалась. Тогда Олег купил ей модные часы. А потом покупал все, что видел.

И с тех пор у них началось негласное соревнование: кто быстрее заметит, что другому что-то нужно, и успеет купить это раньше, чем тот начнет отказываться.

Когда Олег с Милой еще встречались, Олег рассказал о том, что у него есть ребенок.

— Сколько ему? – спросила Мила

— Четыре года. Мы с его мамой когда-то жили вместе, — спокойно продолжил Олег.

—— Потом я понял, что семьи не получится. Разошлись без скандалов. Артем живет с ее матерью.

- Вы встречаетесь с ним?

— Да. И помогаю деньгами.

Мила кивнула, но спрашивать больше тогда не стала.

Когда они стали жить вместе, Олег снова заговорил о ребенке.

- Я давно не видел Артема. Давай я привезу его к нам в субботу?

- Я даже не знаю…

— Хочу познакомить его с тобой... с Яной... Мне кажется, они должны подружиться.

Мила улыбнулась.

— Конечно.

Он облегченно выдохнул.

— Правда?

— Конечно, правда.

— Ты не сердишься?

— На что?

— Ну...

— Олежка...

Она взяла его за руку.

— У тебя есть сын. И это прекрасно. Наоборот. Мне очень хочется посмотреть на него.

В субботу с самого утра Олег куда-то уехал. Вернулся через два часа. Рядом с ним шел худенький светловолосый мальчик четырех лет.

Светлые глаза, узкое лицо, бледная кожа.

В одной руке он крепко держал небольшую машинку.

Другой держался за ладонь Олега.

— Артем, — сказал Олег, присаживаясь перед сыном. — Знакомься. Это Мила.

Мальчик посмотрел на нее.

— Здравствуйте.

— Здравствуй.

— А это Яна.

Яна осторожно выглянула из-за маминой спины.

Дети несколько секунд молча изучали друг друга.

— У тебя есть машинки? — неожиданно спросил Артем.

— Нет.

— А куклы?

— Есть.

— Тогда будем играть по очереди.

Яна улыбнулась.

— Хорошо.

Через пять минут они уже сидели на полу. Кукла ехала в кузове грузовика. Дети что-то тихо говорили, смеялись.

После ужина Яна побежала в ванную.

— Я первая!

— Только недолго! — крикнула ей вслед Мила.

Потом она повернулась к Артему.

— Ну что, герой, теперь твоя очередь.

Мальчик послушно подошел. Пока она расстегивала курточку, вдруг обратила внимание, что рукава были ему ко-

ротки. Свитер вытянулся. Брюки на коленях блестели от старости. Когда она сняла с него футболку, сердце болезненно сжалось. Майка была серой от времени, местами рваной, с пятнами, которые уже невозможно было отстирать. От ребенка пахло несвежей одеждой. Было видно, что купали его давно. Мила ничего не сказала, только осторожно погладила мальчика по голове.

— Иди с папой. Вода уже готова.

Олег увел Артема в ванную. Мила осталась одна.

Она машинально складывала детскую одежду на стул и чувствовала, как внутри поднимается злость. Что-то было не так. Совсем не так.

Поздно вечером, когда оба ребенка уже спали, они с Олегом сидели на кухне.

— Олеж...

— Что?

— Сколько денег ты даешь на содержание Артема?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Достаточно.

— Это сколько?

Он назвал сумму.

Мила невольно подняла брови. По тем временам это были очень большие деньги.

— Что случилось?

— Ты видел, в чем приехал ребенок?

— Конечно.

— Нет, не видел.

Он удивился.

— Почему?

— Потому что если бы увидел, давно бы спросил, куда уходят деньги.

Олег нахмурился.

— Я еще и вещи ему постоянно покупаю.

— Тогда объясни мне, почему на ребенке одежда, которую, кажется, до него носили еще шестеро детей.

Он молчал. Потом тихо сказал:

— Не знаю...

Мила вздохнула.

— Ничего. Разберемся.

На следующий день они объехали пол-Москвы.

Купили Артему теплую куртку, ботинки, брюки, свитера, рубашки, белье, носки. Потом купили машинки.

Олег смеялся:

— По-моему, я хочу эти машинки больше, чем он.

— Это потому, что тебе в детстве не купили гитару.

Домой они вернулись усталые и счастливые. После обеда Мила начала переодевать Артема. Яна крутилась рядом, разглядывая обновки. Новый свитер оказался ему очень к лицу. Штанишки сидели идеально. Он долго разглядывал себя в зеркале. Потом осторожно провел ладошкой по груди.

— Красиво?

— Очень красиво, — улыбнулась Мила. — Ну всё... Теперь мама тебя не узнает.

Артем спокойно покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Она не разрешит мне это надеть.

Мила замерла.

— Почему не разрешит?

Мальчик ответил так же спокойно, словно говорил о самой обычной вещи:

— Когда папа привозит мне новые вещи, мама и бабушка их продают.

— Что?..

— Они говорят, что деньги нужнее.

Он пожал плечами.

— А нам соседи потом отдают одежду.

В кухне стало тихо.

Мила медленно опустилась на стул.

Ей показалось, что она ослышалась.

— Артем... Ты ничего не путаешь?

— Нет.

— Это правда?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Да.

— И так всегда?

— Да.

— А игрушки?

— Тоже.

— Все?

— Нет, только если дорогие.

Он сказал это без обиды. Без слез. Без жалоб. Так говорят о вещах, к которым давно привыкли. Мила почувствовала, как внутри все похолодело. Она медленно подняла глаза на Яну. Та стояла, крепко прижав к груди новую курточку Артема. Видно было, что ей искренне жалко мальчика.

— А давай оставим эту одежду здесь, — тихо предложила она. — Чтобы они ее не продали.

Артем сидел неподвижно. Лицо его стало совсем несчастным. Он осторожно гладил ладонью рукав нового свитера, словно хотел запомнить это ощущение.

Ему так не хотелось расставаться с этими вещами.

— Нет, Яночка, — мягко сказала Мила. — Артем поедет домой в новой одежде. А мы обязательно что-нибудь придумаем. Мальчик поднял на нее глаза.

— Правда?

— Правда.

Он немного помолчал. Потом совсем тихо спросил:

— А если мама опять все продаст...

У Милы перехватило дыхание. Она присела перед ним на корточки.

— Тогда мы купим еще.

— И их тоже продадут.

— Купим снова.

— Зачем?

Она ласково провела рукой по его волосам.

— Потому что дети должны ходить в чистой одежде.

Артем смотрел на нее. Было видно, что он не совсем понимает.

В это время Олег вернулся домой из булочной и сказал, что нужно везти Артема домой.

- Да, Олеж, 10 минут и поедете. Дети, идите в свою комнату, мы вас позовем позже.

Когда дети вышли, Мила рассказала ему обо всем. Олег молчал.

— Олеж...

Он не обернулся.

— Я ведь был уверен, что у него все хорошо.

Голос прозвучал глухо.

— Она всегда говорила, что денег не хватает... Что Артем быстро растет... Что все уходит на ребенка... Я даю достаточно денег, покупаю все, что они говорят.

Он тяжело провел рукой по лицу. Мила подошла сзади и осторожно обняла его.

— Ты не мог этого знать. Это даже невозможно было предположить.

— Мог. Я должен был знать.

Мила повернула его к себе.

— Ты больше не дашь им эту возможность. Нужно все сделать по-другому

И впервые за этот день слабо кивнул.

— Ты права.

В этот момент в комнату заглянул Артем. Он нерешительно остановился в дверях.

— Спасибо... за свитер. Я еще приеду к вам?

Поздно вечером они с Милой снова сидели на кухне.

— Что будем делать? — спросил он.

Мила долго молчала.

— Во-первых, больше никаких бесконтрольных денег.

— А как?

— Все необходимое будем покупать сами. Одежду. Обувь. Игрушки. Все. И небольшую часть – на еду переводом, чтобы оставалась квитанция. Больше никак. Предупредить, что будешь контролировать в чем ходит ребенок , если хотя бы одной вещи не окажется на месте – вообще никаких денег не будет.

Олег задумался.

— Она будет против.

— Конечно.

— Скажет, что ей нужно больше денег.

— Значит, пусть объяснит, на что именно.

Он впервые за вечер внимательно посмотрел на Милу.

— Ты ведь уже все придумала...

Она грустно улыбнулась.

— Нет.

Я просто долго была рядом с людьми, которые тоже считали деньги важнее детей. Поэтому очень хорошо понимаю, что происходит.

Олег взял ее за руку.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что сегодня ты увидела то, чего не увидел я.

С тех пор Артем часто приезжал к ним, и больше они никогда не видели его в чужой, заношенной одежде.

Все, что покупали ему Мила и Олег, оставалось у них дома.

Но однажды произошло то, чего они совсем не ожидали.

Артем долго ходил по квартире с пугающей сосредоточенностью. Он открывал шкафы, выдвигал ящики комода, заглядывал на книжные полки, внимательно рассматривал сервант, даже полки в комнате Яны. Делал он это очень серьезно. Не баловался. Не играл. Словно выполнял какое-то важное задание.

Мила сначала улыбалась. Потом насторожилась. Наконец

не выдержала.

— Артемка...

Мальчик обернулся.

— Что ты делаешь? Что-то ищешь?

Он совершенно спокойно ответил:

— Ничего.

— Тогда зачем открываешь все шкафы?

Артем посмотрел на нее так, словно удивился самому вопросу.

— Бабушка велела посмотреть, что у вас есть дома..

— Зачем?

— Чтобы я ей потом рассказал..

Мила почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— А зачем ей это знать?

Мальчик пожал плечами.

— Не знаю.

— Она часто тебя об этом просит?

— Всегда.

— И что ты рассказываешь?

Он начал добросовестно перечислять:

— Сколько комнат... Какая мебель... Что купили... Какие игрушки... Какая посуда... Есть ли новые вещи...какая у тебя одежда.. Что есть у Яны….

Он говорил спокойно, словно перечислял деревья во дворе. Для него это было совершенно обычным делом. Мила опустилась на стул.

В этот момент вошел Олег. Он сразу почувствовал, что что-то произошло.

— Что случилось?

Мила молча кивнула на Артема.

— Расскажи папе.

Мальчик слово в слово повторил все сказанное. Олег слушал молча. Лицо его становилось все более напряженным. Когда Артем закончил, он спросил только одно:

—А тебе нравится это делать?

Артем немного подумал.

— Нет.

— Почему тогда рассказываешь?

— Бабушка говорит, что хорошие мальчики ничего не скрывают.

Олег на несколько секунд закрыл глаза. Затем он подошел к Артему, приобнял его.

— Запомни одну вещь. Есть вопросы, на которые ты не обязан отвечать никому. Даже взрослым. Даже если они сердятся.

Артем удивился.

— Правда?

— Правда.

— И бабушке тоже?

Олег кивнул.

— Даже бабушке.

Мальчик долго молчал. Потом спросил:

— Тогда... можно я не буду рассказывать, сколько у вас игрушек?

Олег улыбнулся.

— Не только игрушек.

Мила, до этого момента сидевшая неподвижно, резко встала. В ее глазах читалась смесь ярости и жалости к ребенку.

— Артем, послушай меня внимательно. Если кто-то заставляет тебя делать то, от чего тебе плохо, то этот человек поступает неправильно. Даже если это бабушка.

Артем облегченно выдохнул. Словно с его маленьких плеч сняли тяжелую обязанность, которую он долго нес, даже не понимая, что она была ненормальной.

Миле было очень жаль это мальчика, он ей нравился. Тихий, послушный, он сразу занял место в ее сердце. Ей хотелось накормить его, обнять, защитить. И все же одна мысль не давала ей покоя. Она ловила себя на том, что все чаще украдкой разглядывает Артема. Мальчик был совсем не похож на Олега. Ни одной черточки. Ни формы лица. Ни глаз. Ни улыбки. Ни походки. Ничего.

У Артема были почти белые редкие волосы, светлая кожа, мелкие черты лица. Олег же был широкоплечим брюнетом с густыми черными волосами и зелено-карими глазами и яркой, запоминающейся внешностью.

— Разве так бывает?.. — думала Мила.

Когда-то она интересовалась генетикой и хорошо помни-

ла, что темные волосы обычно наследуются как доминантный признак. Конечно, она понимала, что наследственность устроена гораздо сложнее таблиц. Дети могут быть похожи на бабушек, дедушек, прадедушек. Иногда природа смешивает черты так причудливо, что родство угадывается лишь спустя годы. Но здесь... Здесь не находилось ни одной ниточки, за которую можно было бы зацепиться.

«Может, я просто придумываю?» — мысленно останавливала она себя. Ей становилось стыдно.

И все же где-то глубоко внутри оставался маленький червячок сомнения. Совсем крошечный. Почти незаметный.

Как-то вечером, когда Артем играл на полу со своими машинками, Мила, улыбаясь, посмотрела сначала на него, потом на Олега.

— Знаешь... — сказала она как бы между прочим. — Он совсем на тебя не похож.

Он посмотрел на сына и спокойно пожал плечами.

— Ну и что?

— Даже странно. Ни одной твоей черточки.

Она улыбнулась.

— Если честно, он скорее похож на меня.

Олег рассмеялся.

— Он еще маленький. Подрастет — увидишь. Еще будет моей копией.

Мила не знала, что пройдет совсем немного времени, и жизнь сама даст ответ на вопрос, который она пока боялась

произнести даже мысленно.

Олег работал почти без отдыха. Сам он называл это коротким словом — **«халтурил»**. Каждый день с самого утра он садился за руль, кого-то подвозил, выполнял какие-то заказы, иногда исчезал по делам, о которых предпочитал не рассказывать.

— Не переживай, — неизменно отвечал он на расспросы Милы. — Все законно.

Но именно эта неопределенность тревожила ее больше всего. Он уезжал из дома еще затемно, когда город только просыпался, а возвращался далеко за полночь.

Мила никогда не ложилась спать раньше него.

Каким бы поздним ни был час, на плите всегда ждал горячий ужин. Стоило в прихожей повернуться ключу, как она сразу выходила встречать его.

Но прежде чем зайти на кухню, Олег всегда открывал дверь в комнату Яны. Тихонько подходил к кровати, поправлял съехавшее одеяло, осторожно целовал девочку и только после этого шел ужинать. Этого маленького ритуала он не пропустил ни разу. Даже если едва держался на ногах от усталости.

Пока он ел, Мила рассказывала, как прошел день. Что сказала Яна. Кто звонил. Что случилось на работе. Иногда Олег что-то отвечал. Иногда только улыбался. А бывало, ложка так и оставалась в руке. Голова медленно склонялась впе-

ред... И он засыпал прямо за кухонным столом.

— Олежка... — тихо смеялась Мила. — Ну ты даешь...

Он вздрагивал, пытался открыть глаза.

— Я не сплю...

— Конечно. Просто очень внимательно слушаешь.

Она помогала ему подняться, почти силой уводила в комнату, укрывала одеялом. А сама шла в ванную. Там уже ждала его одежда. Она стирала ее вручную, развешивала на батарее, чтобы к утру все успело высохнуть.

Гардероб у Олега был до смешного скромным.

Настолько, что Мила иногда не понимала, как один взрослый мужчина может обходиться таким количеством вещей.

Больше всего ее раздражали спортивные брюки с ярко-красными лампасами.

Наверное, они были ровесниками московской Олимпиады.

Ткань давно выцвела, колени вытянулись, но расстаться с ними Олег категорически отказывался.

— Они удобные, — говорил он.

— Они неприличные.

— Зато проверенные.

— Они скоро сами уйдут из дома.

— Не уйдут. Я их люблю.

Каждая попытка купить ему нормальные джинсы или брюки заканчивалась одинаково.

— Олеж, пойдем в магазин.

— Зачем?

— За брюками.

— У меня есть.

— Это не брюки.

— А что?

— Исторический памятник.

— Тем более нельзя выбрасывать.

— Их уже музей уже нужно сдать!

— Вот пусть музей и купит.

— Купит?

— Конечно. Это же раритет.

Уговорить его было невозможно.

И тогда Мила решила действовать по-своему.

В одно воскресное утро, пока Олег читал чем-то занимался с Яной, она незаметно взяла его знаменитые брюки с красными лампасами. Подошла к открытому балкону. Еще раз посмотрела на них.

— Прости, — тихо сказала она брюкам. — Но дальше так жить нельзя.

И решительно отправила их вниз. Через несколько секунд снизу донеслось глухое шлепанье.

— Малыш... — раздался за спиной голос Олега.

Она медленно обернулась. Он стоял в дверях, переводя взгляд с ее пустых рук на открытый балкон.

— Где мои брюки?

Мила невинно пожала плечами.

— Ушли.

— Куда?

— В самостоятельную жизнь.

И впервые за все время их знакомства увидела на лице Олега выражение человека, который совершенно не знает — смеяться ему или плакать. И вдруг: — Нет!!!

С таким отчаянным криком, будто Мила только что выбросила в окно семейную реликвию, Олег бросился к двери. Через несколько секунд уже грохотали ступеньки подъезда. Мила выскочила на балкон.

Внизу, посреди двора, ее невозмутимый, серьезный, всегда спокойный Олег носился по газону в домашних тапочках, высматривая свои драгоценные брюки. Какая-то бабушка с авоськой остановилась и с интересом наблюдала за происходящим. Двое мальчишек прекратили играть в мяч.

Один из них спросил:

— Дядя, вы что потеряли?

— Брюки!

— Так они же на вас!

Олег машинально посмотрел на свои домашние спортивные штаны и только махнул рукой.

— Другие!

Наконец он увидел их.

Красные лампасы победно выглядывали из куста. Олег с таким облегчением вытащил брюки, словно спасал тонущего друга. Он встряхнул их, заботливо осмотрел, стряхнул при-

липшие листья и быстро поднялся домой.

В квартиру он вошел торжественно, держа спасенные брюки обеими руками.

— Вот!

— Что «вот»? — невозмутимо спросила Мила.

— Они целы.

— Жаль.

— Почему «жаль»?

— Потому что сейчас мы поедем покупать новые.

— Не поедем.

— Поедем.

— Ну зачем?.

— Надо.

Олег прижал брюки к груди.

— Они еще хорошие.

— Они были хорошие сто лет назад.

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю. Мне кажется, они лично видели Ленина.

— И что? Это история.

— Это археология.

Он рассмеялся.

— Ты ничего не понимаешь.

— Конечно. Объясни мне, пожалуйста, чем тебя так покорили именно эти лампасы?

Олег совершенно серьезно посмотрел на нее.

— Они удобные.

— Олежка...

— Что?

— Мы тебе новые купим.

— Они будут не такие.

— Чем же?

— У них не будет истории и красных лампасов.

Мила не выдержала и расхохоталась.

— Истории? Да они уже мемуары писать могут!

В этот момент из комнаты выглянула Яна.

Посмотрела на папу, прижимающего к себе старые брюки, потом на смеющуюся маму.

— А что смешного?

Мила, едва сдерживая смех, ответила:

— Папа спас свои любимые лампасы.

Яна задумчиво посмотрела на Олега.

— А может, их тоже помыть и покормить? Они, наверное, уже старенькие... устали….

Несколько секунд в квартире стояла тишина. Потом первым рассмеялся сам Олег. Так громко, что даже слезы выступили на глазах.

— Ладно, — сказал он, вытирая их ладонью. — Сдаюсь.

Но только при одном условии.

— Каком?

— Новые брюки ты выбираешь. А старые...

Он любовно погладил красные лампасы.

— ...останутся дома. На память.

— Хорошо, — улыбнулась Мила. — Но только как музейный экспонат. На улицу ты в них больше не выйдешь.

Олег тяжело вздохнул.

— Дожил таки... и потерял свободу выбора брюк...

И в этот выходной он впервые за много лет сам вышел из магазина в новых джинсах. В пакетах лежали новые футболки, рубашки и белье.

И когда Мила восхищенно сказала:

— Ну вот! Совсем другой человек!

Он хитро улыбнулся и тихо ответил:

— Лампасы дома лежат. Вдруг соскучусь.

Мила тоже работала почти без отдыха. У нее была основная работа, затем — работа по совместительству. В учреждение ездить не требовалось: ей выдавали задания, а проекты она выполняла дома, по вечерам, когда Яна уже засыпала, а Олег еще не приехал.

Вскоре ей предложили читать курс экономики в институте для студентов вечернего отделения. Она с радостью согласилась. Лекции приходилось готовить ночами, проверять работы, принимать экзамены, но преподавание неожиданно приносило ей огромное удовольствие.

Домой она возвращалась раньше Олега. И все же главным в ее жизни оставалась Яна. Как бы ни уставала, она каждый день находила для дочери время.

Они подолгу разговаривали. Мила читала ей книги, учила играть на пианино, рисовать, шить, вместе они лепили из пластилина, мастерили игрушки из бумаги, придумывали сказки. Она постоянно искала занятие, которое смогло бы увлечь дочь, разбудить в ней интерес хоть к чему-нибудь.

Иногда ей казалось, что она борется не с детской ленью,

а с какой-то невидимой стеной, за которой Яна пряталась от всего мира. У нее все было ощущение, что она толкает впереди себя каку-то глыбу.

Мама Милы почти не помогала. Она не приезжала, не предлагала посидеть с внучкой, не спрашивала, нужна ли помощь.

Лишь после долгих уговоров соглашалась забрать Яну к себе на время школьных каникул. И каждый раз это больше походило не на радость встречи с внучкой, а на одолжение. Мила уже перестала обижаться. Она давно поняла: просить можно только того, кто действительно хочет помочь.

Поэтому они с Олегом привыкли рассчитывать только на себя. Иногда поздними вечерами, когда оба буквально валились с ног от усталости, они переглядывались и одновременно начинали смеяться.

— Мы вообще когда-нибудь отдыхаем? — спрашивала Мила.

— Конечно, — совершенно серьезно отвечал Олег. — По дороге на работу.

— А обратно?

— Обратно уже некогда. Надо домой.

И оба понимали: несмотря на бесконечную усталость, именно эти годы они потом будут вспоминать как самые счастливые. Потому что у них наконец появился дом, в котором каждый был нужен другому.

А в стране тем временем начиналась перестройка.

Сначала это было просто новое слово, которое все повторяли с одинаково серьезными лицами. Потом появились громкие речи по телевизору, бесконечные обещания перемен, разговоры о гласности, демократии, новом мышлении.

Люди спорили в автобусах, на кухнях, в институтах, в очередях. Одни верили, что начинается новая эпоха. Другие лишь устало пожимали плечами.

Но пока политики говорили о будущем, настоящее становилось все труднее. И без того пустые Полки магазинов еще больше пустели буквально на глазах.

За маслом, колбасой, сахаром, стиральным порошком, детскими колготками, туалетной бумагой выстраивались длинные очереди.

Люди уже не спрашивали: «Что продают?»

Они спрашивали:

— За чем стоим?

И, услышав ответ, молча вставали в конец очереди.

Потому что завтра этого могло уже не быть.

Москва менялась. Менялись улицы. Менялись люди.

Еще недавно одинаковые серые витрины начали оживать. На окнах появились самодельные вывески, первые кооперативы, маленькие коммерческие палатки, где продавали то, чего раньше невозможно было найти. Кто-то привозил импортные джинсы, кто-то — польскую косметику, турецкие свитера, жевательную резинку, шоколадные батончики с незнакомыми названиями.

На Арбате появились художники. Музыканты играли прямо на улице и в подземных переходах.

Кто-то продавал собственные картины, кто-то — книги, пластинки, старые монеты. Люди подолгу стояли возле них, разговаривали, спорили, слушали. Казалось, у города наконец появился голос.

Но вместе со свободой пришла и растерянность. Каждый день приносил новые слухи. Сегодня говорили о кооперативах. Завтра — о ваучерах. Послезавтра — о том, что скоро отменят деньги или, наоборот, всё станет платным.

Никто ничего толком не понимал. Зато понимали другое.

Жизнь уже никогда не будет прежней. Вечерами вся страна прилипала к телевизорам. Обсуждали Горбачева. Смотрели первые телемосты с Америкой. Читали газеты, в которых вдруг начали печатать то, о чем еще недавно запрещалось даже шепотом говорить на кухне.

Люди словно учились думать вслух. И вместе с надеждой росла тревога.

Полки магазинов совсем опустели. Очереди становились длиннее. Талоны постепенно входили в повседневную жизнь. Сахар. Масло. Мыло. Сигареты. Стиральный порошок. Практически все.

Иногда казалось, что дефицитом становится уже не товар, а само ощущение стабильности.

И все же в воздухе витало какое-то странное чувство.

Будто впереди открывается дверь. Никто не знал, что на-

ходится за ней. Но почти все были уверены, что назад дороги уже нет. Москва шумела. Строилась. Ругалась.

Надеялась. Боялась. На месте привычных государственных магазинов появлялись первые кооперативы.

В витринах лежало то, о чем еще вчера можно было только мечтать: импортные магнитофоны, джинсы, яркие кроссовки, иностранная косметика, шоколад с незнакомыми названиями.

Правда, цены казались почти фантастическими.

Люди заходили внутрь, долго разглядывали товары и чаще уходили ни с чем. Но самое удивительное происходило не в магазинах. Менялись сами люди.

Те, кто еще вчера десятилетиями честно работал на одном месте, вдруг увольнялись и начинали собственное дело.

Инженеры открывали кооперативы. Врачи подрабатывали частной практикой. Преподаватели давали платные уроки.

Кто-то ездил в Польшу за товаром, кто-то — в Турцию.

В разговорах все чаще звучало новое слово — «бизнес».

Еще недавно оно казалось почти неприличным. Теперь им гордились. Но вместе с надеждой пришла и тревога.

Все чаще говорили о том, что кого-то ограбили.

У кого-то сняли с головы дорогую шапку прямо возле метро. У кого-то украли машину. Вечером женщины уже старались не ходить одни. Родители встречали детей после кружков.

А мужчины все чаще оглядывались, возвращаясь домой

поздно вечером.

По телевизору еще говорили о перестройке, гласности и новом мышлении. А на кухнях говорили совсем о другом.

О том, что деньги обесцениваются. Что завтра все снова подорожает. Что сахар лучше купить сегодня. Что колбасу «выбросили» в соседнем магазине. Что у кого-то появились доллары. Что сосед открыл кооператив и зарабатывает за месяц больше, чем раньше за год.

Казалось, страна училась жить заново. Без готовых правил.

Без привычной уверенности в завтрашнем дне. Каждый день приносил что-то новое. И никто уже не знал, хорошо это или плохо. Одни были уверены, что впереди — свобода. Другие боялись, что впереди — хаос. И, как это часто бывает, правы оказались и те, и другие.

Возле обменных пунктов впервые появились люди, тихо шептавшие прохожим: "Доллары нужны? Куплю. Продам." Еще недавно за это могли посадить. Теперь это становилось почти привычной частью московских

улиц.

На книжных развалах продавали Булгакова, Солженицына, Пастернака. Люди покупали книги так же жадно, как колбасу. Казалось, страна одновременно голодала и по еде, и по правде.

Мила словно заново открывала для себя мир. Она жадно

читала все, что еще недавно было невозможно достать.

За несколько ночей проглотила «Детей Арбата» Рыбакова, перечитала Булгакова, которого теперь обсуждала вся страна, открыла для себя Пастернака, Платонова, Ахматову. Каждая новая книга казалась ей не просто литературой — разговором, который слишком долго был запрещен.

По вечерам в квартире звучали песни Цоя, «ДДТ», «Наутилуса», «Машины времени». Она ловила себя на мысли, что внимательно вслушивается не только в музыку, но и в слова. В этих песнях было что-то настоящее. То, чего так не хватало раньше.

По пятницам они с Олегом старалась оказаться дома пораньше, чтобы посмотреть программу «Взгляд». После нее они еще долго сидели на кухне. Спорили. Обсуждали. Мечтали. Иногда соглашались друг с другом. Иногда — нет. Но впервые за много лет казалось, что думать вслух не страшно. Что можно задавать вопросы. Что можно сомневаться. Что можно иметь собственное мнение. Мила впитывала перемены с какой-то детской жадностью. Ей было интересно буквально все. Как устроены кооперативы. Почему одни люди за несколько месяцев становились состоятельными, а другие продолжали жить от зарплаты до зарплаты. Почему одни видели в перестройке конец страны, а другие— начало новой жизни.

Она ловила себя на мысли, что уже не хочет просто наблюдать за происходящим. Ей хотелось действовать.

Все чаще она задумывалась о собственном деле. Не ради денег. Деньги были лишь возможностью. Ей хотелось самой принимать решения. Самой отвечать за свою жизнь. Самой строить будущее.

Однажды вечером она сказала Олегу:

— Представляешь, я все чаще думаю открыть кооператив.

Он улыбнулся.

— Я ждал, когда ты наконец это скажешь.

— Почему?

— Потому что ты никогда не хотела жить по чужим правилам. Ты всегда придумывала свои.

Мила рассмеялась.

— Думаешь, получится?

Олег даже не задумался.

— Получится.

— Откуда ты знаешь?

Он посмотрел на нее так спокойно, словно ответ был очевиден.

— Потому что ты не умеешь делать что-то вполсилы.

Если уж берешься за дело — обязательно доводишь его до конца.

Эти слова запомнились ей.

Тогда она еще не знала, что совсем скоро ей действительно придется начать жизнь заново.

И именно это решение изменит не только ее судьбу, но и судьбы многих людей, которые однажды встретятся на ее

пути.

Однажды вечером, когда Яна уже спала, Олег и Мила сидели на кухне.

- Олеж… Так дальше жить нельзя.

— Почему?

— Потому что ты работаешь на износ. Уходишь затемно, возвращаешься ночью. Я тоже кручусь на трех работах. Мы почти не видим друг друга. Это ненормально.

Олег пожал плечами.

— Зато деньги есть.

— Деньги есть сегодня. А завтра?

Он промолчал.

— Послушай, — продолжила Мила. — Давай сделаем по-другому.

— Как?

- Давай сделаем так: ты бросаешь свою халтуру и устраиваешься на работу в строительный кооператив

Он едва не поперхнулся чаем.

— Что?!

— Да, именно так.

- Кем?

-Прорабом

-Но я не разбираюсь в строительстве

— Зато ты умеешь организовывать людей. И умеешь отвечать за результат. Ты очень умный.

— Но я не разбираюсь в стройке.

— Зато разбираюсь я.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Забыл, что ли? Я инженер-строитель. Помогу разобраться со стройками, научу читать документацию, объясню, как все устроено. Очень быстро войдешь в курс дела. Нам с тобой нужно только одно.

— Что?

— Чтобы ты понял, как работает этот бизнес. Как заключаются договоры. Как ищут заказчиков. Как организуются стройки. Где берут материалы. Как люди зарабатывают деньги собственным делом.

Она положила ладонь поверх его руки.

— Я закончу свои проекты, уйду с работ… и мы откроем собственный кооператив.

Олег долго смотрел на нее. Потом неожиданно улыбнулся.

— Ты ведь уже все решила.

— Конечно.

— А мое мнение?

— Сейчас узнаем.

Он рассмеялся.

— Ты очень демократична.

— Так ты согласен?

Он задумался всего на несколько секунд.

— Знаешь...

— Что?

— Когда мы познакомились, мне казалось, что я способен

сделать для тебя все… Теперь начинаю понимать…что это ты все время вытаскиваешь меня из той жизни, в которой я оказался….

Мила покачала головой.

— Нет. Мы просто вместе.Я люблю тебя.

Олег поднялся, подошел к ней, обнял:

— Хорошо. Попробуем. Только обещай две вещи.

— Какие?

— Если однажды у нас получится...

Он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой.

— Мы прокатимся с тобой по Европе и там ты купишь мне новые брюки.

Он сделал многозначительную паузу.

— Обязательно с красными лампасами.

Мила сначала серьезно посмотрела на него, потом рассмеялась.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сначала мы купим тебе хорошую гитару и поедем к морю. А уж потом будем думать про твои лампасы.

— Не мои лампасы, — с достоинством поправил ее Олег. — А историческое наследие.

Он замер. Всего на секунду. А потом крепко обнял ее.

- А в Европу?

— Нет, Олежка. Европа — это уже фантастика.

Он вдруг перестал улыбаться. Взял ее за плечи.

— Посмотри на меня.

Она подняла глаза.

— Я серьезно. Мы увидим Европу. Всю. Поедем туда, куда ты захочешь. А потом полетим в Америку. И если тебе захочется увидеть океан — увидишь и океан.

Мила тихо покачала головой.

— Ты сам понимаешь, что это невозможно..

— Возможно.

Она грустно улыбнулась.

— Ты понимаешь, что советские люди никуда не ездят? Для меня даже Болгария кажется чем-то недостижимым. А ты говоришь про Париж... Америку...

Олег не дал ей договорить.

— Запомни одну вещь.

Он говорил тихо, но в его голосе была такая уверенность, что спорить было невозможно.

— Есть люди, которые всю жизнь объясняют себе, почему что-то невозможно. А есть те, кто однажды берет и делает.

Я хочу быть тем, кто делает. И очень хочу, чтобы рядом со мной была ты. И первое, куда мы поедем, будет Болгария.

Она смотрела на него и не знала, смеяться ей или верить.

В его словах не было ни хвастовства, ни пустой бравады.

Он говорил так, словно рассказывал о чем-то уже решенном. Словно видел их будущее так же ясно, как видел сейчас ее лицо.

Мила улыбнулась.

— Хорошо.

Тогда обещай мне еще одну вещь.

— Какую?

— Когда мы впервые окажемся в Париже...

Он удивленно поднял брови.

— ...ты не наденешь брюки с красными лампасами.

Олег сделал вид, что глубоко задумался.

— Это очень тяжелое условие...

Потом улыбнулся.

— Ладно. Ради Парижа я готов на такую жертву.

Они оба рассмеялись.

И никто из них тогда не мог представить, что через несколько лет этот разговор перестанет быть мечтой.

Он станет воспоминанием.

Глава 5

Существует негласный заговор между интуицией и реальностью: первая услужливо подсвечивает неприятную правду, а вторая тут же ее подтверждает. В такие минуты хочется уволить внутренний голос за излишнее усердие, но, увы, штатное расписание не предусматривает должности для наивности.

Через несколько дней Мила поделилась своими сомнениями с Юлькой. Они сидели в ее огромной кухне на Маросейке, пили чай и Мила вдруг неожиданно для самой себя сказала:

— Юль, тебе не кажется странным... Артем совсем не похож на Олега?

Юлька внимательно посмотрела на подругу.

— А что значит «совсем»?

— Вообще. Ни одной общей черты. Ни лица, ни глаз, ни улыбки. Даже волосы. У Олега такая запоминающаяся внешность... неславянские черты. У него ведь, насколько я поняла, у него вообще нет славянских корней.

— А мальчик?

— Обычный русский ребенок. Светленький, белокожий... Если бы я встретила их на улице, никогда бы не подумала, что они отец и сын.

Юлька задумалась.

— Странно...

— Вот и мне странно. И мне ужасно стыдно, что я вообще об этом думаю. Потому что это не мое дело.

Юлька покачала головой.

—Нет, ты же не обвиняешь никого. Ты просто наблюдаешь.

Некоторое время они молчали.

— Слушай, — продолжила Юлька, — а ты с его матерью знакома?

— Нет. Я ее никогда не видела.

— Познакомься.

— Зачем?

— Просто поговори. Не расспрашивай, не выясняй ничего. Просто посмотри на человека.

— О чем?

— Да о чем угодно.

Юлька усмехнулась.

— Насколько я знаю, большим умом она не отличается. Ее часто видят у Миши в ресторане. Там слухи разносятся быстро, разные разговоры ходят. Не знаю, что там правда, а что нет, но люди языками зря тоже редко чешут. Я ее тоже не видела, Миша видит часто.

Мила нахмурилась.

— Что-то плохое говорят?

— Ну… ничего хорошего.

Юлька подняла ладони.

— Поэтому ничего и не придумывай. Просто посмотри на человека. Иногда пяти минут разговора достаточно, чтобы многое понять.

— Думаешь?

— Думаю. Ты людей чувствуешь лучше любого психолога. Вот и почувствуй.

Мила задумчиво покрутила чашку. Она вовсе не собиралась ничего расследовать. Но слова Юльки почему-то не выходили из головы. Ей захотелось увидеть женщину, которая была матерью Артема. Не для того, чтобы искать виноватых. А чтобы понять то, чего она пока объяснить себе не могла. Такова была ее натура. Она никогда не делала поспешных выводов, но и не умела закрывать глаза на то, что не складывалось в единую картину. Пока все кусочки не становились на свои места, внутри не наступало спокойствие.

Случай представился довольно быстро.

Комната Олега на Сретенке пустовала. Они решили ее сдать — лишние деньги были совсем не лишними.

Перед этим нужно было немного привести комнату в порядок: подклеить обои, побелить потолок, заменить замок на двери.

Олег уже работал прорабом в строительном кооперативе и практически жил на стройках. С утра до позднего вечера он пропадал на объектах, поэтому заниматься комнатой было некогда.

Неожиданно помочь вызвался его отец.

— Поехали, посмотрим— предложил он Миле.

Она согласилась.

Они поднялись на второй этаж старого дома на Сретенке. Мила открыла дверь ключом, который ей дал Олег.

Но едва они вошли, как из их комнаты послышались шаги.

Через секунду в коридор вышла молодая женщина.

Она так же растерянно остановилась, увидев незнакомую девушку рядом с отцом Олега.

— Здравствуйте... — первой нарушила молчание Мила.

Женщина внимательно посмотрела на нее. Потом перевела взгляд на мужчину.

— Я думала, здесь никого нет...

В квартире действительно в это утро никого не было. Соседка на работе, сосед-алкоголик где- то искал собутыльников. Отец Олега направился в комнату.

— Лена, мы собираемся сдавать комнату.

Она смущенно поправила волосы.

— А... Я просто зашла... У меня еще остался ключ. Думала, переночую здесь, чтобы не тащиться в Медведково поздно.

Повисла неловкая пауза.

— Это Мила, — представил отец Олега. — Девушка Олега.

Лена быстро, почти незаметно, оценила Милу взглядом.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

Отец осматривал комнату и что-то записывал в блокнот, начал возиться с дверным замком и женщины остались вдвоем на кухне.

Лена поставила на стол бутылку дорогого коньяка, бокалы и принесла коробку конфет.

- Будешь? – спросила она, наливая коньяк.

Время было 9 утра и Мила отказалась

- Нет, спасибо, я не люблю коньяк.

- А я люблю. Почему нет, если я могу себе это позволить

- Лен, а тебе не надо на работу?

- Во-первых, зови меня Элен, во-вторых, я не работаю, мне это не нужно. Ты, давай ешь конфеты.

Разговор сначала не клеился.

Потом Лена неожиданно спросила:

— Как тебе с Олегом?

— Хорошо.

— Ну ты его плохо знаешь... Артема уже знаешь?

— Конечно. Он часто бывает у нас.

Лена равнодушно кивнула.

— Это хорошо.

Именно это равнодушие неприятно кольнуло Милу.

Судя по всему она , давно не видевшая собственного ребенка, не спросила, как он себя ведет,

не поинтересовалась, доставляет ли хлопоты

Ее интересовало совсем другое.

— А Олег работает?

— Да

— Денег, наверное, много приносит?

Вопрос прозвучал так буднично, что Мила даже не сразу поняла его смысл. Она внимательно посмотрела на Лену.

И вдруг вспомнила слова Юльки: *"Иногда пяти минут разговора достаточно, чтобы понять человека."*

Кажется, этих пяти минут уже было достаточно.

Мила с любопытством разглядывала Элен. Та оказалась совсем не такой, какой она себе ее представляла.

Крашеная блондинка лет двадцати пяти. Волосы были тщательно уложены, лицо покрывал плотный слой макияжа, словно она куда то собиралась субботним утром. Ярко-красная помада, густо подведенные глаза. Все ярко, все слишком.

Она держалась с какой-то нарочитой жеманностью, то и дело поправляла волосы, кокетливо улыбалась, говорила немного растягивая слова.

На ней был шелковый халат, небрежно запахнутый на талии. Она сидела, развалившись на стуле, совершенно не заботясь о том, что полы халата постоянно расходились. У нее была неплохая фигура, но массивные ноги, особенно тяжелые щиколотки, сразу бросались в глаза. На ногах красовались домашние тапочки на высоких каблуках с пушистой отделкой — очевидно ей хотелось выглядеть эффектно.

Элен лениво плеснула себе еще коньяка в бокал, сделала небольшой глоток и так же внимательно, почти бесцеремонно, стала разглядывать Милу.

Под этим изучающим взглядом Миле вдруг стало неловко.

Она приехала помогать с ремонтом: в джинсах, простой клетчатой рубашке, без макияжа, с наскоро собранными волосами. Если бы она знала, что встретит здесь бывшую женщину Олега, наверное, хотя бы накрасила ресницы.

Впрочем, уже через несколько минут Мила поймала себя на неожиданной мысли. Нет... Она не хотела быть похожей на таких женщин и они ей не нравились. Слишком много пустоты.

Она разговаривала спокойно, без неприязни, без желания понравиться или, наоборот, уколоть. Ей просто хотелось понять. Разговор постепенно становился все более откровенным. Мила спрашивала о ее жизни, об Артеме, чем она занимается, как воспитывает Артема…

Элен пьянела на глазах, язык начал заплетаться, она тем временем уже налила себе третий бокал коньяка. На часах не было еще и десяти утра. Алкоголь действовал быстро. Речь становилась все менее связной, движения — свободнее, а осторожность исчезала буквально на глазах. Она перестала воспринимать Милу как соперницу. Теперь перед ней сидела просто женщина, которой почему- то хотелось выговориться.

Она откровенно рассказывала о своей веселой и беззаботной жизни.

— Да что ты... — усмехалась она, делая очередной глоток.

— Мне вообще не до детей было, а тем более сейчас.

Она лениво крутила бокал в руках.

— Артем в основном с мамой , я редко у них бываю…

— А как же ребенок?

— А что ребенок? Мне свою жизнь устраивать надо.

Она сказала это так легко, словно речь шла о покупке нового платья. Она залпом выпила коньяк и налила еще.

— Олег доверчивый …

Она вдруг засмеялась.

— Такой смешной был. Верил каждому моему слову, когда вместе жили.

Мила молчала.

— Им вообще легко управлять. Скажу, что денег нет, — даст. Скажу, что ребенку что-то нужно, — опять даст.

Она отпила еще коньяка.

— Удобно…

- Тебе хорошо с ним было?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

Повисла короткая пауза.

Потом она неожиданно сказала то, чего Мила никак не ожидала услышать. Совершенно буднично. Без всякого смущения.

— Да я вообще ребенка не хотела. Просто... так получилось.

Мила подняла глаза.

Элен даже не заметила ее взгляда.

— Но раз уж родился... должен же у него быть хоть какой-нибудь отец.

Она рассмеялась.

— Хоть кто-то должен был нас содержать.

Слова прозвучали так просто, будто речь шла о погоде.

Потом она небрежно махнула рукой.

— Найду другого мужика — будет другой отец. Пока

пусть этот. – пьяно бормотала Элен.

Мила перестала слышать все, что говорила Элен дальше.

В голове стучали только эти слова.

«Хоть какой-нибудь отец... Пока пусть этот »

«Хоть какой-нибудь отец... Пока пусть этот »

«Хоть какой-нибудь отец... Пока пусть этот »

В этот момент что-то внутри нее окончательно сложилось. Она еще не знала всей правды. Но всерьез подумала о том, о чем до сих пор запрещала себе даже размышлять.

В кухню вошел отец Олега:

— Можно ехать, — коротко сказал он.

Мила поднялась. Элен едва заметно махнула им рукой и потянулась к бутылке, чтобы снова наполнить бокал.

Они вышли из квартиры и начали спускаться по лестнице. Несколько ступенек отец Олега молчал. Потом остановился, внимательно посмотрел на Милу и неожиданно сказал:

— А ты умнее, чем кажешься. Удивлен.

Мила удивленно улыбнулась.

— Спасибо….Это комплимент?

Он усмехнулся.

— Скорее признание собственной ошибки. Я думал, ты просто красивая девочка с большими глазами. Так разговорить человека... Я даже заслушался. Без нажима, без прямых вопросов., непринужденно…. Она сама тебе всё выложила.

— Я ничего особенного не делала. Она сама хотела говорить.

— Вот именно. В этом и дело. Я все слышал. Так легко, спокойно, будто вы две старые подруги встретились поболтать. Я даже удивился.

— Она была пьяна.

— Не только поэтому. Ты умеешь слушать. Такие ….Элен сами начинают говорить лишнее.

Он снова пошел вниз, а через несколько ступеней негромко добавил:

— Я тоже кое о чем догадывался.

Мила остановилась.

— О чем именно?

Он посмотрел наверх, словно боялся, что Элен может их услышать.

— О том же, о чем и ты.

— Что делать? Сказать ему?

Отец помрачнел.

—Доказательств нет. Но мальчик на него совершенно не похож. И … некоторые обстоятельства… В общем, вопросы были. Хм, Элен….

Они снова двинулись вниз.

—Олегу пока ничего говорить не надо, — твердо произнес он. — Если решишь разбираться, сначала узнай точно.

Мила молчала. Слова были разумными. Они вышли на улицу. После тяжелого воздуха коммунальной кухни прохладное московское утро показалось Миле почти звенящим. Она глубоко вдохнула, но легче не стало.

Вечером Мила не выдержала и поехала к Юльке. Они прошли на кухню. Юлька поставила чайник и молча ждала. Мила подробно рассказала все. Как случайно встретила Элен. Как та с утра пила коньяк. Как сначала кокетничала, потом разговорилась. Как смеялась над доверчивостью Олега. И наконец...

— Она сказала: «Должен же у него быть хоть какой-то отец... Пока этот».

На кухне стало тихо. Юлька медленно поставила чашку на стол.

— Всё?

— Всё.

— Нет, не всё.

Она внимательно посмотрела на Милу.

— Ты понимаешь, что она тебе сказала?

Мила кивнула.

—Понимаю.

Юлька покачала головой.

— Нет, Мил. Ты , по-моему, не понимаешь.

Если она сказала правду, то речь уже не о похожести. И не о генетике. Речь о том, что Олег может всю жизнь воспитывать чужого ребенка и даже не подозревать об этом.И будет все время переживать, что ребенок не видит отца родного…

— Я не знаю, что делать.

— Ничего.

— Почему?

— Потому что сейчас у тебя только слова пьяной женщины. ...Но ты должна узнать. Он имеет право знать, чей это ребенок.

Мила молчала.

— А если я ошибаюсь?

— Тогда ты первая попросишь у него прощения. Но если ты права...

Юлька тяжело вздохнула.

— Тогда страшно даже представить, сколько лет он живет во лжи. Впрочем, как и ты так жила…

Мила долго смотрела в окно. Да, она тоже так жила… во лжи. Она посмотрела на подругу:

— Ты же знаешь меня.

Юлька улыбнулась.

— Знаю, поэтому я совершенно спокойна.

— Почему?

— Потому что ты все равно не остановишься. Пока не докопаешься до правды. Я тебя знаю, сама такая же!

Мила грустно улыбнулась. Юлька была права.

Глава 6

Начинать жизнь с нуля не так уж и трудно Гораздо труднее удержаться от привычки немедленно сделать хорошо всем, кого положено любить, но хотя бы для начала можно попробовать делать это с недовольным лицом

Шел 1989 год.

Москва менялась на глазах. На улицах все чаще встречались молодые мужчины с тяжелыми лицами. Многие недавно вернулись из Афганистана. Одни пытались начать обычную жизнь, другие никак не могли привыкнуть к тишине мирного города. Они еще носили армейские куртки, говорили короткими фразами, курили одну сигарету за другой. В их взглядах было что-то такое, отчего хотелось замолчать.

В метро все чаще можно было увидеть молодых ребят с медалями «Воину-интернационалисту». Кто-то шел с тростью, кто-то без ноги, кто-то просто смотрел перед собой так, будто оставил часть жизни где-то далеко, за горами Афганистана. К 1989 году в Москве их были уже тысячи.

В тот день Мила спешила через подземный переход на Пушкинской. Она уже почти пробежала мимо, когда взгляд вдруг остановился на молодом мужчине, сидевшем на холодном бетонном полу.

Перед ним лежал кусок картона. *«Я выполнял интернациональный долг».*

«Почему он здесь?» — мелькнуло у нее.

Она подошла ближе. У мужчины не было обеих ног.

Мила прислонилась к противоположной стене.

Уйти она уже не могла. Она смотрела на него и вдруг поймала себя на мысли, что совершенно не представляет, как можно жить после такого.

И неожиданно ей показалось, будто она смотрит на мир его глазами...

Ноги, ноги, ноги…Чтобы увидеть обладателей этих ног, бесконечно мелькающих перед глазами, нужно было высоко поднять голову, но шея затекла от долгого сидения, да и интереса нет разглядывать прохожих. Лица почти никогда ничего не выражают.

Люди торопятся. Опаздывают. Разговаривают. Смеются. Раздраженно обходят раскрытую сумку. Иногда кто-нибудь бросает монету. Не потому, что жалко. Потому что неудобно смотреть в глаза.

Николай сидел в подземном переходе, прислонившись спиной к холодной стене. Перед ним лежала раскрытая сумка, в которую иногда кто-то бросал мелочь. Люди бежали по переходу, у всех были дела, заботы, а если повезло, то и семья. А у него ничего этого уже не было.

Бабушка воспитывала его в лучших традициях советского времени: учись, будь честным, защищай Родину, будь великодушным и сильным, трудолюбивым и справедливым. Он хорошо учился, много читал, занимался спортом. Поступил

в институт, женился на третьем курсе, но не хватало денег и пришлось перевестись на заочный. А через 2 месяца пришла повестка и он пошел в военкомат.

Его отправили в учебку в Чирчик, где находился тренировочный центр. В течение месяца немного поучили стрелять, бегать кроссы и «снимать» часовых, а после «обучения» отправили в Афганистан, выполнять интернациональный долг. Вспоминать об этом не хотелось, он чудом остался жив, потеряв обе ноги, год провалялся в госпитале в Таджикистане. Потом ему выдали маленькую тележку на колесиках, деревянные «утюги» для рук, чтобы эту тележку, на которой сидело его безногое тело, катать и отправили по месту прописки, в Москву. Домой….

Он приехал в квартиру на Таганке, в которой прожил всю жизнь – там сейчас жила его жена. Сказать, что она не обрадовалась, увидев, пришедшего с войны мужа, это ничего не сказать. Она впала в отчаяние, такой он был ей не нужен. С войны пришел другой человек, не тот интеллигентный, добрый и, подающий надежды, мальчик, которого она провожала. Этот человек, говоря фразу из 5 слов, три из них говорил матом. За три года, проведенных в Афгане словарный запас снизился до минимума. Вместе с войной, кровью, голодом, издевательствами, страхом, невыносимым физическим и психологическим прессингом пришло полное отупение, как спасение, как отключение всех эмоций, кроме животных инстинктов и тоски по нормальной жизни. Он кри-

чал по ночам и стрелял во сне, он пригибался от любого громкого звука, вздрагивал от хлопка двери. За три года войны язык обеднел так же, как душа. Все человеческое вытеснили кровь, страх, грязь, голод и постоянное ожидание смерти.

Николай видел, что стал жене в тягость, она больше не любит его и, чтобы, хоть как-то освободить ее от себя, он попросил военкома, чтобы его отправили в центр реабилитации . Но оказалось, что у солдат всё не так просто. Оказалось – не положено. Воевать – положено. Терять ноги – положено. А лечить – не положено. Солдаты не имеют права на реабилитацию за счет государства. Значит, ходить в атаку, заслонять своих от пули, рисковать жизнью, не иметь возможности расслабиться - можно, а в санаторий – нельзя. Он понимал, что так дальше продолжаться не может и ушел.

Поселился в переходе на Пушкинской - в уголочке, где из вентиляции шел теплый воздух, а днем сидел перед раскрытой сумкой на своей тележке, опираясь на холодную стену. Это существование не многим отличалось от тех условий, в которых он жил последние три года. Там в Афгане, в палатках и землянках зимой одеяла и бушлаты примерзали к кроватям, спали в шапках, мерзли и расчесывали укусы вшей, а утром, в темноте, толкаясь, искали свои полусырые сапоги. У него там не было ничего, даже его жизнь принадлежала другим. Теперь не было и ног. Тогда, в госпитале, куда его привезли с гангреной обеих ног, кормили, правда понемно-

гу, чтобы «обилие еды» не пошло во вред. Жене он не писал, да она его и не искала…

Денег бросали мало, в основном, копейки, да это и понятно – люди и сами жили все хуже, многие едва сводили концы с концами. И никому не было дела до молодого инвалида, тихо сидевшего в переходе, да и ему самому уже была неинтересна и казалась бессмысленной собственная жизнь.

В тот день ему в сумку упала крупная купюра и он, приподняв голову, увидел медленно уходящую молодую женщину.

- Эй, подожди, мне так много не нужно! – крикнул он ей вслед. Мила обернулась и медленно подошла к нему.

- Почему? Купишь себе еды!

- Забери, мне не нужно столько, я не голоден, - глядя ей в глаза повторил он.

Мила внимательно всмотрелась в него. Совсем молодой. Грязный, сломленный. Но глаза!– детские, наивные. Он, будто, извинялся за то, что ей пришлось остановиться. Она присела на корточки рядом и спросила:

— Как тебя зовут?

— Николай.

- Почему ты здесь?

Он долго молчал.

Потом, монотонно, глядя куда-то в сторону, рассказал ей свою историю.

Когда закончил, добавил только одну фразу:

- Мне бы работу найти какую-нибудь, но кому я нужен… такой…

«Да, это проблема», - подумала она и сказала:

- Меня зовут Мила, завтра я приеду сюда, ты меня подожди, ладно?

«Как же, придешь ты…», - подумал Николай, но, согласно кивнул, отводя глаза.

На следующий день в переход вошла Мила в сопровождении молодого мужчины.

- Это мой муж, Олег, мы сейчас тебя отвезем в дом, где ты поживешь, и я дам тебе работу.

Они помогли Николаю выбраться из перехода, посадили в машину и привезли в комнату на Сретенке.

— Пока поживешь здесь, — сказала Мила. — В холодильнике есть продукты. А это..- она положила на стол папки с текстами и маленькую печатную машинку.

— Попробуй перепечатать эти тексты. Это и будет твоя работа.

Николай смотрел то на машинку, то на Милу, то на Олега и не мог поверить.

- Олег приедет послезавтра, привезет продукты и деньги.

Они уехали и Николай еще долго сидел, улыбаясь, как маленький ребенок, которому неожиданно подарили шоколадку.

А через 2 месяца у него появились протезы…Чего это стоили тогда Олегу, знает только он.

Прошло несколько лет. Мила с Олегом уехали за границу. Но каждый раз, приезжая в Москву и переступая порог своей квартиры, они слышали телефонный звонок.– звонил Николай.

- Как ты узнаешь, что мы приехали?

- Очень просто. Я звоню каждый день! – улыбался Николай и рассказывал свои новости

Что работает в храме Успения Пресвятой Богородицы, совсем рядом с тем домом, куда когда-то привезли его Мила и Олег. Что женился. Что скоро станет отцом.

Что помогает больным детям, одиноким старикам, тем, кому еще тяжелее, чем когда-то было ему самому.

— Я счастлив, ребята! Я нужен.

И после короткой паузы тихо добавил:

— Может быть... именно это и есть мой настоящий интернациональный долг?

Осенью Мила и Олег зарегистрировали свою первую фирму. Это был строительный кооператив.

Стартового капитала у них не было. Впрочем, тогда мало у кого он был. Были несколько тысяч рублей, старенькая машина, Олегов опыт работы в строительном кооперативе, Милино строительное и экономическое образование и совершенно необъяснимая уверенность, что у них все получится.

С людьми оказалось сложнее.

Несмотря на то что на государственных предприятиях зарплату все чаще задерживали, а иногда не выплачивали

месяцами, уходить оттуда боялись. Государственная работа все еще казалась чем-то надежным и вечным. Там была трудовая книжка, стаж, отпуск, больничный, профсоюз. А что такое кооператив? Сегодня есть — завтра нет. Да и само слово «кооператор» еще недавно произносили почти с подозрением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.